

О'САНЧЕС

[Лук]

Пинка удаче

О`Санчес
Пинка удаче
Серия «Лук»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=454385

Аннотация

В числе персонажей романа - Николай Второй, Владимир Путин, Никита Хрущев, Валентина Матвиенко, сам автор и великий и невероятный город Санкт-Петербург.

Содержание

Пролог	4
Глава «Интервью»	5
Глава «Лук и фотография»	20
Глава «Близнецы»	34
Глава первая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

О`Санчес
Пинка удаче
(Одинокий город Петербург)

Пролог

Весна

Февраль отпихивал жадный зёв,
Звенел ледяной кинжал!
Но голод капал с ее клыков,
А город не возражал.

А город гладил свою весну,
Пирующую во мгле,
И тихо пел на свою луну,
Один на своей земле.

Глава «Интервью»

– Дураку и опыт не помеха!.. Что? Нет, я же внятно сказал: занят! Пусть позвонят позже. Кто? Да хоть Валентина Терешкова!.. Погоди, погоди, кто!? Матвиенко... Ё!.. Уй, бли-и-н! Надо же было почетче обозначить! Лично звонила? Ф-ух, уже легче. Дашка, срочно перезвони в секретариат и договорись, чтобы меня записали на аудиенцию, либо чтобы я мог позвонить. Какими, какими... Отлучился я... Отставить! Даша, вернись! Тетя Марина! Марина Андреевна, голубушка, ты же мой гениальный секретарь! Может человек отлучиться на минутку? Вот, ты бери трубку и сама дозвонись, они тебя знают. Так и скажи им всем: Федор Петрович отлучился, а трубку оставил у секретаря... Да, и позвонит вам немедленно, в первое же мгновение как вернется, а я ему – то есть, ты, Марина Андреевна, – мне – обязательно передам, немедленно доложу, оставлю сообщение, пришлю курьера, вертолет и самолет!.. И дозванивайся, дозванивайся до секретариата, это самое главное. Нет, этого господина позже соедините, через четверть часа, а лучше через час. Дайте же мне спокойно вычитать... э-э... прослушать последний материал! Тишина! Умолкли! Витя, Даша, вас в первую очередь касается, не то всех поубиваю!

– ...стите, Вадим Тиберьевич, видимо, я не вполне расслышал?..

– Вполне и правильно ты расслышал. Но могу повторить: в бюро взаимодействия с мафией. Как пришел после переподготовки, майором, в первое управление – или, по-нашему, в первый отдел – так меня и законопатили в то бюро. Служил в двенадцатом, а перепрыгнул в первое. Это по статусу выше и, как нынче говорят, престижнее. Заметь, безо всякого еврейского блата-шмата, исключительно усердием и заслугами, не как нынешние! Там и прослужил до... скажем... до горбачевских времен. А потом уже на пенсию выпнули, в чине полковника, невзирая на опыт, успехи и награды. Как пса какого ненужного, из мультфильма. Я этого Мишку-проститутку меченого на дух не переносу! Ненавижу! Хуже Ельцина он, хуже Хрущева! Все развалил! Такую державу, понимаешь, ему доверили. А он...

– Да, да, да, да, Вадим Тиберьевич, несомненно, вы правы, но позвольте нам с вами вернуться к... этой любопытнейшей теме, что вы только что приоткрыли нашим читателям...

– Кто – я? Кому? Как, говоришь, тебя – Антон?

– Антон.

– Да, верно, Антон. Я в твой микрофон любопытные данные приоткрываю, лично тебе, а не твоим дуракам читателям, это во-первых. И слушателям даже? Все равно: и слушатели ваши такие же дураки. Во-вторых: будешь перебивать и сверх меры лезть с наводящими вопросами – пинка под сраку, и побежал к себе в редакцию не солоно хлебавши! Понял?

– Да, но...

– Понял, я спрашиваю?

– Так точно, Вадим Тиберьевич, все понял!

– Вот. Задавай свои вопросы. И не суетись. Чай, вон, наливай, себе и мне.

– Напоминаю нашим читателям и слушателям, что в гостях у «Открытого Петербурга» наш замечательный ветеран, старейший сотрудник внешней разведки Советского Союза, полковник в отставке Тушин Вадим Тиберьевич. А мы, в свою очередь, у него в гостях, с ним веду беседу я, Салимов Антон. Итак, вы сказали удивительную вещь. Неужели ваше бюро так и называлось? «По взаимодействию с мафией???»

– Ну... Скажем, называлось оно чуточку иначе, но это уже мы вплотную подходим к темам, на которых гриф секретности столетиями стоит, не снимается... Однако, суть именно такова: Комитет, по заданию Партии, разрабатывал схемы оперативного взаимодействия с организованными преступными группировками Европы и... дальше. Но в «за океан» я был не вхож, там Коля Владимиров курировал, резидент, заодно и журналист-международник,

мой сверстник и тоже флотский, как я... Впрочем, мы и с ним постоянно обменивались, так сказать, данными, ибо фигуранты сплошь и рядом оказывались одни и те же, особенно когда речь шла о так называемых «сицилийских союзах», если тебе что-то говорит этот термин.

– Еще бы не говорил, Вадим Тиберьевич! Мафия, Сицилия, дон Корлеоне, Бруклин, Палермо!.. Полголливуда об этом!

– Да уж! По этим дегенератам только и изучать новейшую историю! Я об Голливуде, об твоём. Жизнь – она будничнее и, одновременно, куда сложнее, чем целлулоидные капоны с корлеонами.

– А в чем был смысл такого взаимодействия? Расправа чужими руками с отступниками, типа Гордиевского, Калугина, и вообще с неугодными?

– Не-е-т! Вся эта мелкая труха была вне наших прерогатив. Чтобы кого покарать, из спрятавшихся от справедливого суда за бугром, все средства были хороши, здесь у службы опыт богатый и без нашего отдела Эс, хотя... Нет, мы, в общем и целом, занимались куда более серьезными и тонкими вещами. Первоначальная идея была проста и конструктивна: коль скоро малограмотные преступники сумели наладить эффективно действующие международные каналы по переброске туда-сюда денежных средств, живых людей, материалов... информации, в конце концов, то и наша организация должна уметь это делать ничуть не хуже.

– Учиться у мафии?

– Н-нет, не совсем так. Но и учиться тоже. Не зазорно узнавать то, что не знаешь и уметь то, что раньше не умел. Одним словом, и учиться, и пользоваться уже действующими возможностями. Нас, наше командование, более всего интересовали перспективы внедрения нелегалов, переброски и натурализации оных за океан, пусть даже под личиной э-э-э... незаконопослушных граждан западной Европы... Мы внедряем своего человека к этим... к мазурикам, а они уже, по своим каналам, перебрасывают его из Сицилии в Бразилию, или, там, в Штаты и помогают ему натурализоваться. Одно время был очень моден в нашем кругу так называемый «еврейский шлях», по линии израильской эмиграции, с целью дальнейшей реэмиграции. Но там возникли свои сложности, включая двурушничество и прямое предательство, да и коллеги из «ихних» спецслужб по обе стороны океана пронюхали, резко усилились в этом направлении, провалы пошли за провалами... Пришлось перевести этот способ из основных в отвлекающие. Тем не менее, если уж о той поре вспоминать, первоначальный «еврейский» засев получился исключительно успешным, и по сию пору действуют наши люди и потомки их, верные помощники КГБ, ныне ФСБ.

– Но ведь в тех же Штатах постоянно отлавливают нелегальных иммигрантов, и даже в тюрьму их сажают. Или это необходимый производственный риск? Трех посадили – один прижился, лес рубят – щепки летят? Зачем нам вообще нужны были нелегалы в странах Запада? И сейчас зачем – диверсии проводить?

– Нет. Чтобы были. Представь себе... Израиль, там, или Польшу, Грузию. Разорвали они с нами, либо мы с ними дипломатические отношения. Бывает. Но это значит, что наш МИД, наше правительство, лишилось возможности отслеживать ситуацию, законным образом держать руку на пульсе происходящих событий. И сразу же активизируется, пробуждается к жизни заранее внедренная агентура наших нелегалов. Они вовсе не поезда взрывают, они собирают, сортируют, анализируют информацию на местах и посылают в центр. И при этом не так уж и важно, кто он там по местной жизни – фотограф, бухгалтер, или скупщик краденого, всяк сверчок будет ценен на своем шестке.

– Остроумно! Очень остроумно объясняете, Вадим Тиберьевич, мои аплодисменты.

– Гм... Ты, молодой человек, набрался у себя в издательском бардаке всякого пошлого хлама и похабства и теперь пытаешься, хотя бы даже в разговоре, встать со мною на одну доску со своими идиотскими замечаниями. Это ненужное, это дохлое дело, смехотворны

твои попытки. Слушаешь – слушай, но не перебивай, не делай понимающее лицо, не подталкивай меня дурацкими вопросами и одобрениями в ту, или иную сторону. На чем мы... Штаты. Да, время от времени прихватывают и высылают, и даже сажают. Но если нашего человека в тех же Штатах поймали и осудили за... в общем, дали небольшой срок, как нелегальному иммигранту из дружественной Италии, Израиля, нарушившему незначительный закон, то это лучший из всех возможных способов натурализации. Если, конечно, его... или ее... потом не вышлют из страны, без права возвращения. В силу этого, от наркотраффиков, убийств и террористов мы держались как можно дальше, поскольку там срока большие отламывались, что немаловажно при учете надежности агента, и пятно засветки на спецслужбе получалось бы несмываемое. Но эти... жрецы... от слова жрать... даже здесь нам все изгадили. Подонки, бездельники, ух, до сих пор не могу вспоминать без скрежета зубовного, даром что своих зубов почти уже и не осталось!..

– Прошу прощения, Вадим Тиберьевич... Кто – эти? Вы поймите, я, как профессионал своего дела, не могу, просто не имею права не задавать по ходу дела те или иные уточняющие вопросы, ни в коем случае не наводящие. Пусть даже они плохо сформулированы и не всегда уместны, однако большим непрофессионализмом было бы для журналиста выпустить из своих рук нить интервью, передачи, репортажа, ну, любого подготавливаемого материала... Прошу меня правильно понять.

– Да, принимается. Антон? Хорошо, Антон, я постараюсь приноровиться к вашим понятиям... язык не поворачивается, говоря о современной журналистике, произносить: к правилам. Захребетники очень нам мешали... Я их всех так и называю: захребетники, паразиты, дармоеды! При советской власти, чтобы ты знал, всем управляла Партия, даже не Совет министров и не Верховный Совет...

– Конечно, я знаю. Подлить вам чайку?

– Спасибо, да, и сразу поставь воду на огонь, пусть заново вскипит. Ты по газетам знаешь, а я всей своей шкурой помню! Вся эта шайка дармоедов – что Подгорный, что Брежнев – только и знали, что жрать в три горла и на корню гноить народное хозяйство, да все под крики «уря» и «слава Капееэсьэсь!»... Повадились к нам кураторы из ЦК КПССС, из международного отдела, с партийными, типа, нагрузками: дескать, тем экваториальным красножопым денежки тайно передать, тут с оружием коммунистическим повстанцам-неандертальцам помочь... Доходило до смешного и постыдного... Знаешь, как мы одного нашего засветили? Скажу, давно не тайна. Это было уже в конце семидесятых, когда Ленька наш окончательно из ума выжил. Тогда Пономарев с Замятиным на короткое время в большую силу вошли, потому что наладились добывать для Брежнева ордена с медалями из-за рубежа, поставили дело на бурный поток...

– Замятин? Это писатель такой, да?

– Эх, шелкоперы вы безграмотные, беспамятные, тупицы, говноеды... Нет, дорогой Антон, Замятин и его шеф Пономарев – это негодяи из высшего эшелона партийной власти тех лет, отвечали за международное коммунистическое движение... Одним словом, заставили одного нашего – замечу, надежно внедренного товарища – вести пропаганду в народных марсельских контрабандистских и докерских массах на основе бессмертных военных воспоминаний Леонида Ильича...

– Какой кошмар... словно анекдот слушаешь...

– Да. Анекдотец-то скверный вышел: разумеется, агент сгорел, в тюрьме и помер, мне выговор по служебной, моему шефу по служебной и по партийной, а эти... руками развели и побежали на очередной банкет... закусывать. Пили тогда все и помногу... Да. И главное дело – повадились на регулярной основе: что ни месяц – приходят с просьбой помочь, а просьба-то – с самого верха в письменной форме!

– То есть – фактически приказ.

– Нет, Антон, просьба. Знаешь, чем она от приказа отличается? Это риторический вопрос, сам задал, сам разъясняю: тем, что за ее выполнение наград и поощрений не предвидится, а за провал отвечаешь ты, а не те, кто попросил. За приказ в первую голову отвечает приказавший, а за просьбу – крайний.

– Так, а почему Андропов не пресекал такого рода вмешательства?

– Кто – Андропов??? Да он был первый трус и подхалим! Ему главное – свою плешь перед Суловым прикрыть, а до мелочи пузатой, то есть, до нас, ему... Он даже память майора Афанасьева толком не сумел защитить, когда того щелоковцы убили... Николай Анисимович – эмвэдэшник главный – уж на что был сволочь, а за своих до конца стоял, а наш... Не было порядку. Нужен был порядок, а порядка не было.

– А при Берии был порядок?

– При Берии? Так ведь он недолго органы возглавлял, вопреки легендам... И подхалим был похлеще Андропова с Бобковым, Крючковым и Примаковым вместе взятыми! Законченный подлец! Он только на фоне Ягоды и Ежова смотрелся нормальным, а так – типичная сталинская шваль, какой там мог быть порядок?

– И Сталин был шваль?

– Стопроцентная.

– Понятно. То есть, ЦК вмешивался в вашу работу и мешал?

– Да. Не прямо вмешивался, разумеется, а при помощи просьб, камланий и заклинаний о международном коммунистически-рабочем движении. Тьфу! Хорошо хоть, не давали рекомендаций обращать в свою веру всяких там фальшивомонетчиков, вымогателей и содержателей притонов, оставили нам в относительной чистоте поле... полянку деятельности...

– То есть, разговоры о поддержке фальшивомонетчиков со стороны некоторых государств...

– Наше государство не принимало в этом участия. Корейцы, румыны – да, мы – нет. Разрабатывали печатные матрицы, схемы распространения, это было, на предмет возможной дестабилизации социального уклада населения потенциального противника в период боевых действий, но – не более того. А с повсеместным внедрением в западную жизнь кредитных карточек и вовсе тема увяла. Говоря о полянках, я имею в виду, что при взаимодействии с зарубежными ОПГ, нашим внедренцам приходилось участвовать в тех или иных противоправных деяниях, а как иначе?

– То есть, вы сознательно шли на нарушения законов, принятых на территории стран, где... работала наша разведка?

– Внешняя разведка, забрасывающая нелегалов на территорию другой страны, якобы наивный юноша Антон, это организация, по определению созданная для того, чтобы попирать законы чужих государств. Взять, скажем, АНБ в Штатах: их поле деятельности – изучение и перебор всевозможных открытых источников информации, чтобы с помощью скрупулезного анализа и сопоставления добратся до военных, государственных и иных тайн вероятного противника. Считается, что до 80 % всех военных тайн Штаты высасывают именно при помощи своей АНБ. Но остальные двадцать – откуда взять? Тем более, что в этих двадцати более половины от необходимых и самых важных сведений! А вдруг границы на замок? Вот и шлют к нам шпионов, мы к ним разведчиков, противоправная работа кипит по обе стороны океана. Внешняя разведка любой страны мира – изначально преступная организация под крылом родного государства.

– Получается, что одна государственная преступная организация решила взять под контроль другую частную преступную организацию? Подобно тому, как ныне госкорпорации подминают под себя частный бизнес?

– Это какие еще госкорпорации? Это Газпром, что ли, с Железными Дорогами? Всегда были народными, а стали корпоративными? Это, дорогой Антон, всякое там ворье, типа

Абрамовича да Путина, голову тебе задурило госкорпорациями! Сначала всех разорили, потом все приватизировали к себе в карман, а теперь осуществляют промывку на послушание – твоих и моих мозгов. Классика.

– Эх, Вадим Тиберьевич, вы безусловно правы, у нас в России любой разговор немедленно упирается в политику, но давайте мы с вами... сосредоточимся на уже выбранной теме, так сказать, на мафиозной...

– А Сурков, Грызлов, Лужков – это тебе что, не мафиозная? Ладно... В середине пятидесятых, когда тема только-только родилась, да, была такая мысль – поставить под идеологический и оперативный контроль сицилийские преступные группировки. Тогда считалось, что традиционно нищий италийский юг, обильно слоеный беднейшим трудовым крестьянством и нарождающимся строительным пролетариатом, особенно восприимчив к идеям марксизма-ленинизма... Жрать им было нечего – ну, дескать, и шли в мафию. Но, мол, косточка-то, закваска – все равно были рабоче-крестьянские! Абсолютный, конечно же, бред, тем не менее, мы в него послушно верили. Видел, как в Крестном отце, в первой части, в сицилийских эпизодах, всякая шантрапа шла куда-то под красными флагами? Нет? Ну, посмотришь при случае. В Джинестро дель Гольфо они шли, первого мая сорок седьмого года, хотя Коппола и Пачино с Пьюзо вряд ли об этом подозревали. Я сам, будучи... в командировках... неоднократно встречал всех этих сицилийских коммунистов... так называемых коммунистов... Разных я там встречал... нос к носу, что называется... Мысль та была, конечно, ложная, насчет сотрудничества с беднейшими слоями, однако – перспективная, как постепенно выяснилось, богатая на добрые последствия...

– То есть, прошу прощения, Вадим Тиберьевич, как это – ложная, но хорошая?

– Да вот так, согласно законам логики: даже из неверных посылок случаются иногда правильные выводы. Началось с того, что завербовали наши одного сицилийца, из купцов, никоим образом не преступника. Он еще при Сталине, после войны стал поставлять в СССР цитрусовые по дешевке – лимоны, апельсины... Много рассказывал о реалиях тех лет, в частности о том, что коммунистические идеи были весьма сильны в послевоенной Италии, предметно рассказывал и показывал. В том числе вполне квалифицированно информировал и о так называемой мафии, которая в те поры ничем не отличалась от обычного сицилийского населения, поскольку была его родной и неотъемлемой частью, как печенка в теле. У них, на Сицилии, слово «мафия» тогда было совершенно не в ходу. Одни сицилийцы хотели в коммунизм, другие присоединиться к Штатам... Ситуация мутной воды – то что надо для работы разведок. Ведь тогда уже, как ты должен знать, если не помнить, в мире полным ходом шла «холодная война». Дальше больше, стали изучать предметно, провели бюджетной строкой, внесли это дело в пятилетний план – тогда все было под пятилетки. Один из наших даже научные труды писал по мафиозной теме, книги публиковал... Под псевдонимом, разумеется... Как сейчас помню псевдоним: Русанов Николай Петрович. Потом, по мере приближения к публикации, псевдонимец тот еще больше сократили: до Русанов Н.П. Вот он и был важнейшим из идеологов использования мафии в наших целях... Ползучий социализм в Италии не удался, несмотря на могучую компартию... якобы могучую... такие же мерзавцы, как и наши оказались... А тема продолжала жить, мы под нее получали законное финансирование, лимит на командировки и тому подобное. Кстати... Из командировок не дай бог не привезти сувенирчики-подарочки в главк! Деньгами там не брали, врать не буду, но вещами, барахлишком – обязательно и с удовольствием... Рыба гнила уже тогда, по всем направлениям, даже у нас в Комитете...

– А как вы считаете, когда эта гниль началась? При Ягоде?

– Раньше.

– При Менжинском?

– Какой еще Менжинский? Он никто и звать никак. Бездельник, тупица и бесхребетник!

– Сурово вы их всех судите, Вадим Тиберьевич! Этак мы к царской охранке докатимся, к Зубатову и Бенкендорфу, в поисках порядочных профессионалов!

– Послушай, Антон. Когда ты в следующий раз захочешь помыслить о чем-нибудь важном и полезном, постарайся сделать главное, а именно: думай своей головой и не впускай туда чужую идеологическую дурь, белого она там цвета, красного ли... Если бы царская охранка хоть чего-нибудь стоила – да разве победила бы их ленинская ОПГ? Чертов Николашка! Пропил, алкаш, трон и Российскую империю, отдал на поругание распутиным да ульяновым! И этот... Ельцин... остатки чуть не пропил... По-совести судить – так еще с Петра Великого нутряная гниль по Руси пошла. И даже раньше.

– Ленинская ОПГ?

– Или сброд беспредельщиков, это даже точнее. Вован – лысый сифилитик, да Феликс – палач-кокаинщик, да Коба-мокрушник – вот тебе и Векепебе...

– Понятно... Но, кажется, я опять вас перебил, прошу прощения!

– Нет, хитрец Антон, это я сам отвлекся, так что можешь не финтить тут ложными извинениями. Тебя ФСБ никогда не вербовала в осведомители, нет? Вкрадчив ты больно... Гм... Русанов Русановым, теория теорией, но кому-то нужно было работать «в полях», не так ли? Мой хороший дружок, на год или два меня моложе, Лева Колесов, журналист-международник, там, за границей, заворачивал делами аж с начала шестидесятых, был белым резидентом. Вот он давил на разные кнопки, такой, знаешь, трудоголик-многостаночник: он и репортажи писал, и книги, и всех баб обаивал, и в местных «верхах» свой человек, ну и по нашей тематике со многими... так сказать, фигурантами... знался. Я приезжал инспектировать «на местах», спорили с ним, ругались даже, но это не мешало нашему взаимопониманию и дружбе... Помер не так давно, царствие ему небесное, хитрожопый был человек, но верный нашему делу!

– Жалко, да. Но он сам умер, на Родине, на свободе?

– Да, дома, в своей постели. Он был крепкий парень, ушлый, точный, четкий в своих взглядах, жизнелюбивый... Думаю, не возраст его подкосил, а новые времена...

– Вам не нравятся новые времена?

– Нет. И не просто нет, а очень не нравятся.

– Почему, если не секрет?

– Засильем либерастии и тотальной продажности. Все эти салье, чубайсы, собчаки, гайдары, сахаровы... С них все пошло. Я их ненавижу, они как тифозные вши на больном теле России-матушки!

– Ну... мнения бывают разные, но всех вами вышеперечисленных действительно не очень-то любят в народе.

– А за что их любить??? Из вошингтонского апкома к ним приходят приказы и гранты, а они отрабатывают в поте лица – за это мне их любить, что ли? Долгое время я думал, что на свете нет их гнуснее, что все уже, до последней степени падения дошли мы в своем стремлении к западным швабодам... ан не-е-ет...

– По вашему мнению – и еще хуже есть?

– Да, как ни странно, есть и поподлее, даже если не считать ющенко и саакашвилией с обами. Боннеры, ковалевы, немцовы, каспаровы, хакамады, касьяновы, лимоновы...

– Нет, но Лимонов-то как раз из другого спектра, он левый.

– Он в первую голову либераст, во всех гнусных смыслах и отсмыслах этого слова, примадонна помоечная негритянская. Идеологически и морально он – то же самое, что Зюганов с Купцовым, если не хуже, разве только не при кормушке. Народ в полной нищете – а они красавцы на «глянце»! Чегевару им подавай!

– Гм... По вам не скажешь, Вадим Тиберьевич, что вы в полной нищете. И чай у вас из дорогих, и «брендовый» ноут, вон, стоит!

– Что ноут... Пока есть силы – работаю, на одной пенсии нынче не проживешь, хоть с ноутбуком, хоть без ноутбука. Один ведь живу.

– А где вы работаете, если не секрет?

– На Крестовском, на острове этих идиотских чудес, гидом-затейником. Был бы мост между Васильевским и Крестовским, народ бы и горя не знал, а так – замаешься в обход ездить. Но нет, зачем нам мост, мы Газпрому башни строим, сыновьям острова покупаем!

– Понятно. Но вы сказали «белый резидент». Что это означает, Вадим Тиберьевич? Сам я примерно догадываюсь, но вот наши читатели и слушатели...

– Ты хочешь сказать, что эти ваши читатели-мычатели еще тупее вашего репортерского племени?

– Я вообще-то журналист.

– Ах, да, я забыл, что в мире наемных писак журналист считается выше репортера. Ну, так в чем же дело, Антон? Встань гордо и защити честь своего мундира, хлопни дверью, не закончив начатого интервью. Не давай себя унижать обидными намеками и сравнением с репортерами. Вперед. Может, действительно еще не все так безнадежно в нашей стране проституток и воря, ради евро и баксов забывших про честь и гордость? Вызови меня на дуэль, обложи теми словами, что на душе скопились...

– Вы не так меня поняли, Вадим Тиберьевич, я вовсе не собираюсь сворачивать интервью. Не скрою, не очень-то приятно слышать обвинения в глупости и продажности, но такова наша работа, да – не самая чистоплотная в мире, хотя, быть может, не более пахучая, нежели...

– Нежели чья?

– Нежели в нелегальной разведке...

* * *

– Стоп. Что это там за дела, Витя? Душит он его, что ли? Дерутся они, что ли?

– Нет, Федор Петрович, там как раз все было в полном порядке. Насколько я понимаю, старикину понравился ответ Антона, и это он так хохочет сквозь кашель... вот, смотрите... чаем запивает... сейчас они продолжат...

– Да стоп же! Елки зеленые... Надо, надо было Антохе этого монстрика на видео снять!

– Он не позволил бы, нарочно обговаривал перед интервью.

– Увы. Ладно, поехали дальше.

* * *

– Да, Антон, это ты меня грамотно поддел. В выгребном армейском сортире – и то ароматы не такие смачные, как у нас в нашем деле. Повеселил от души! Спрашивай.

– Что означает выражение «белый резидент»?

– Белый резидент – это прикрытие для резидента черного, истинного, как правило, нелегального. Назначается такое прикрытие отнюдь не всегда, только на отдельных, весьма важных направлениях. Для любой контрразведки мира черный резидент – самая лакомая добыча, ибо даже если просто узнать о существовании такового, то уже можно о многом догадываться. Колесов был белый резидент, с корочками журналиста-международника, а... некто, назовем его просто Черных, был черный резидент. О Колесове итальянцы из военной контрразведки не то чтобы догадывались, но... пасли на всякий случай: то этот Аджубеев-

ский сокол с Пальмиро Тольятти на дружеской ноге граппу дегустирует, то с Клаудио Кардинале шуры-муры крутит...

– С самой Клаудио Кардинале???

– Да, а что тут такого заоблачного? У нас пол ПГУ об этом знало, и все ему завидовали. Кроме меня. И знаешь, почему я не завидовал? С этой шлюшкой Клавой кто только не спал, включая актера Евгения Моргунова, я бы с такой и за Государственную премию не согласился.

– Ясно... Но, все-таки, мировая кинозвезда, Вадим Тиберьевич... А итальянская военная разведка-контрразведка насколько высоко стоит в неформальной табели о рангах мировых разведок?

– Ну... я не эксперт по этой части, понимаешь ли... Они тихо сидят, дальше Швейцарии и Северной Африки, как правило, не суются... Эффективность работы – пониже английской и советской, это бесспорно. И явно повыше израильской и штатовской... В Англии, в Британии, если точнее, народец дрянь, а разведка отличная.

– То есть, израильская и штатовская плохи?

– Нет, не то чтобы плохи... Цээршники, вопреки домыслам, не глупые, не узколобые, просто они самоуверенные, ленивые и очень полагаются на деньги, на власть своей официальной крыши, на привлекательность американского образа жизни, это им вредит. Вот крыша у них тупая и самодовольная, что сенат, что конгресс. А евреям не хватает сплоченности, чувства локтя.

– Евреям не хватает???

– Да, именно. Это они в диаспорах друг за друга горой, да и то... А внутри себя – истинный гадючник. Подвербовывать таких... раздраженных и друг на друга обиженных – одно удовольствие, правда, приходилось делать это втемную, не от КГБ, но прикрываясь меркантильными стимулами, а еще лучше – грядущей гегемонией Израиля вкупе с общечеловеческими ценностями западного толка.

– Надо же, а в народе считается, что евреи чуть ли не всем миром правят...

– Это теми считается, кто уши развесил, да кто слушает их дурацкую похвальбу о самих себе. Они даже внутри себя править толком не могут, без американских подачек, примерно как мы в девяностых. Были бы они хоть чуточку сильны – не шестерили бы перед Штатами, и у себя под носом давили бы своих палестинских оборванцев твердой рукой! Нефть бы окрестную к рукам прибрали. А то они только грозиться атомной бомбой горазды, а сами одного-единственного парня из пятилетнего плена вызволить не в состоянии оказались, воина, за которого всей страной клятву давали... Трусы, тряпки.

– Да, Вадим Тиберьевич... Вынужден признать, что некоторые ваши пассажи о странах и людях здорово напоминают речи помещика Собакевича, который, как известно со слов Гоголя, не любил отзываться об окружающих с хорошей стороны.

– Это твой сраный Гоголь не любил отзываться о людях с хорошей стороны. Ну, где ты видел такую Россию, какую он описывает? Все у него сплошь мошенники, лодыри, бездельники и дураки, без единого просвета. Кто в «Мертвых душах» описан с хорошей стороны? А в «Ревизоре»? А в «Шинели»? Вот то-то же. Терпеть не могу ни Гоголя, ни Максима Горького, этого нашего Жополиза-Буревестника. Но от Достоевского меня даже физически тошнит. Сей эпилептический эфэм-до...

– Вадим Тиберьевич, цигель-цигель ай-лю-лю, как говорится: с меня же шкуру в редакции спустят, если с опозданием на вечернюю летучку прибегу, у нас в последнее время с этим очень и очень гнойно. Кризис и посткризис – отличный повод нашему Феде-медведе закручивать гайки и увольнять с работы ни за что.

– А во сколько у вас? В шесть, в семь? Так еще куча времени, успеешь, тут же рядом.

– Конечно успею, Вадим Тиберьевич, но только если мы с вами не будем отклоняться в нашем интервью на литературные темы.

* * *

– Ну-ка, останови. Я тот день помню хорошо. Никакой летучки не было и в помине, а в редакции он так и не появился, дескать, допоздна его этот... кагебешный огарок задержал. Витя, я прав, нет?

– Да, Федор Петрович, все четко вы помните. И явился только на следующий день, причем с глубокого бодуна.

– Вот же скотина: даже в такой мелочи соврать готов.

– Так он же не думал, что мы узнаем.

– Что-что, Витя? Как ты сказал?

– Я неудачно выразился, Федор Петрович, виноват. Вообще, конечно, он глупо поступил.

– Глупо. Остался бы жив – уволил бы к хренам. Не за лень, не за пьянство – за вранье. Дальше давай.

* * *

– Так спрашивай на нужные тебе. А то я болтаю по-стариковски абы что... Спрашивай, уточняй, пока еще мне память не до конца возрастом отшибло. Думал ли я когда, что доживу... за восемьдесят перешагну... выброшенным из жизни чахлым старцем...

– Ничего себе – выброшенным, Вадим Тиберьевич! Одно из самых крутых изданий Питера на дом приезжает, об интервью упрасивает...

– А... Это все так, суета... жизнь прошла, словно не было ее... О чем, бишь, мы?

– О товарище Черных, о черном резиденте.

– Ну... что еще тут можно... Да, черный резидент. Не сказать, чтобы совсем рядовой случай, но довольно обычный в истории разведок. Разве что прикрытие у него было очень уж... экстравагантное.

– Какое?

– Хы-хы... Наш был человек, воистину патриот, не пожалел себя для Родины. Ему когда Героя Союза давали – ни у кого из сведущих даже не скрипнуло в голове – позавидовать, там, или грязью облить, хотя бы в частных разговорах... Все понимали: горбом заработал, тяжким трудом заслужил! Внешность у него оказалась располагающая к некоторым авантурным соблазнам со стороны нашего оперативного центра... Москвич, ростом невысок, полноват, плечики покатые, руки-ноги коротковаты, глазки круглые, нижняя губа припухлая и слегка отвисшая, брови серпиками, волосы ежиком, даже эпикантус присутствовал... Короче говоря, наши хирурги великолепно и легко замаскировали имеющуюся внешность под синдром дауна, в то время как мы подменили его самого на местного дауна, весьма удачно подменили, бескровно, осуществили переезд из Сиракуз в Палермо... – и стал Черных работать. Никто его не трогал и не потрошил, ни контрразведка, ни мафия, для всех он был вроде мебели, никто при нем не таился... А это, дорогой Антон, ценнее золота и живой воды, ибо он – видит людей вокруг, видит такими, как они есть, а они его – нет! Время от времени нам приходилось менять его окружение: сиделки, родственники опеки, святые отцы... Денег для него Москва не пожалела, организовала типа огромного наследства от кого-то там, которыми он сам пользоваться не мог, в силу якобы недееспособности, как и всякий даун, однако, формально – владел. По легенде – очень любил петь Интернационал и всюду в доме развешивать алые флаги с советской символикой. Отсюда и удобства для

нас: ни у кого, кроме полиции, не вызывали вопросов мелькания вокруг него всяких разных личностей, всегда гораздых якшаться с красным сбродом и поживиться чужими большими плохо лежащими деньгами. Жизнь есть жизнь: бывало, что в окружении Черных полиция (или даже контрразведка, но в случайном порядке, типа, мимо пробегая) то нашего прихватит, то мафиста-афериста, но сам он всегда был вне всяческих подозрений! Никто, нигде, ни разу! Ни те, ни эти!

– Круто! Но я бы с ним не поменялся, даже за звезду Героя! Можно, я покурю?

– Нельзя.

– Я не здесь, я выйду?

– Нет. Плюс орден Ленина к звезде, плюс командировочные, наградные, выслуга «военных» лет и работа в дальнем зарубежье, это все так, но... Никто бы из нас не поменялся, дорогой Антон, а он – работал! Единственное неперемное условие у него было, даже два: бабы бесперебойно и отпуск в домашних условиях. Там, на Сицилии, мы ему проституток поставляли, через наших преступных «друзей», а когда он в Союз на отдых приезжал...

– А как же, Вадим Тиберьевич? Это же след, его заподозрить могли?

– Не-ет! Вот, где, кстати сказать, образовалась элегантнейшая смычка: наш Лев Сергеевич, белый резидент Колесов, известный советский журналист, взялся осуществлять патронаж над итальянским инвалидом, По-совместительству черным резидентом Джузеппе... Черных, да, он же у нас Черных. Типа, одно из могущественнейших советских печатных изданий, в целях беззастенчивой коммунистической пропаганды, выбрало из многих случайного несчастного, обрушив на него всю мощь советской медицины и советского гуманизма! К тому времени на Западе окончательно привыкли смеяться над дуростями развитого социалистического строя, и мы этим пользовались. В Союзе нашего якобы дауна якобы ждали медицинские светила, курорты в Крыму, обследования... Вот он и ездил, с обслугой, раз в два года, развеяться среди родных берез. В Италии, видишь ли, «дамы», что вынуждены были ублажать «недоумка», свое унижение компенсировали тем, что исподтишка досаждали ему оскорблениями и прочими подлостями, а мужику-то хотелось совсем иного... Вдобавок, дома, увы, семью сохранить не удалось: развод и все дела... А в Москве ему доставал девок один из его приятелей, некий Виктор Луи, тоже якобы из внешней разведки. Вот кого мы дружно терпеть не могли, так этого Луи! Завидовали, но не любили.

– А почему, за что?

– Ну, так, на пальцах не объяснить. Он был кем-то вроде домашней болонки-разведчика: с относительно невысоким чином, но непосредственно при ЦК КПСС. Снискал покровительство и дружбу – главное дело, прочную дружбу! – в ближайших околотенькиных кругах и жил себе в свое удовольствие, как арабские шейхи живут! Якобы выполнял эксклюзивные поручения с самого верха, а на деле плейбойствовал, разъезжал по западному миру, да и всё. А у нас в стране работал по нейтрализации и дискредитации диссидентских движений: по Алилуевой, Солженицыну, Сахарову трудился. Часто успешно, иногда тонко, и всегда вхолостую, ибо заказчик был дурак. Кто, кто – система... кто еще? Но, надо отдать ему должное, коллеге Черных по-честному устраивал рай на Земле, причем ни на копейку не залезая в главковский бюджет, «на свои» угощал, от пуза: девки, баня, икра, охота... Девушки, естественно, только наши нанимались, кадровые, типа, в местную командировку, при них ему не надо было в дауна играть. Так что – доволен был, и всегда на Родину рвался...

– Гениально, Вадим Тиберьевич! И так и не разоблачили его?

– Нет.

– А где он сейчас?

– Вэтэ.

– Простите, что?

– Военная тайна. Но ты славный малый, Джим Хокинс, сметливый, ловкий, я сразу понял, что тебя не проведешь, тебе я доверяю как самому себе и отвечу правду: умер Черных.

– Хокинс – это физик? Почему Джим Хокинс?

– Так... шутка. Еще по чашечке?

– С удовольствием, чай у вас отменный.

– Хороший английский чай я впервые в сорок четвертом отведал, на Северном флоте, с тех пор пытаюсь соблюдать.

– Так вы воевали? А почему молчали?

– Ты не спрашивал.

– Хм... Я подогрею? Вадим Тиберьевич, а вы сами, своими глазами мафиозных главарей видели? А самого главного дона? И насколько они от наших братков отличаются? Дон – это ведь примерно как у нас вор в законе?

– Насчет воров я не в курсе, не мое направление. От наших бандитов? Чем-то отличаются, в чем-то схожи. Главного дона среди них нет, титул сохранился с позапрошлого столетия, а человека такого нет. Последним, кто более или менее подходил к званию капо дей капи тутти, был Калоджеро Виццини, но я его уже не застал, он в пятьдесят пятом умер. А так... видел кое-кого. С Бушеттой познакомился в Бразилии, мы на него конкретные виды имели, на предмет вербовки и сотрудничества, но штатники нас опередили. Арестовали, сломили и на поводок. Пепе Руссо Муссомельского видел, но он уже тогда утратил вожжи, одряхлел... Очень сожалею, что не довелось взглянуть на Лаки Лучано, американца, хотя бы одним глазком... Тут ведь тоже все было не так просто... Скажем, наш «белый», Лева Колесов, был вынужден довольствоваться интервью с одним дряхлым стукачком Джентиле, дабы, нарочно выставив себя неумехой и очковтирателем, поставить на ложный след итальянскую контрразведку и отвести им глаза от Джузеппе Черных. Лучано Лиджо – если считать на воле, а не за решеткой – видел мельком и издали... А вот Сальваторе Реина – вот его я имел удовольствие созерцать с очень близкого расстояния! В году, примерно, в семьдесят шестом, на пороге весны и лета... дело было под Палермо, на берегу моря, в одном из ресторанов, они там отмечали что-то такое...

– Прием в мафию?

– Да нет же... Я ведь говорил: это слово у них вообще было не в ходу. Это потом, с севера, из Штатов оно пришло и прижилось... Мафия и Коза Ностра! Тьфу!.. Человек пять их собралось, просто ужинали, терли чего-то, праздновали, потом он ушел. Мы с Черных были заранее предупреждены и за соседним столиком сидели, я ему салфетку за уши подвязывал...

– А Провенцано? Мы несколько лет тому назад о нем давали материал – он ведь тоже был верховный дон?

– Провенцано был никто, вроде твоего Менжинского. Его основное, чуть ли не единственное, достижение – что он сорок лет от полиции скрывался. Только на самом деле не от полиции, а от своего бывшего друга Реины. Именно Реину Лиджо своим полномочным преемником назначил, а Провенцано проявил себя раскольником, безвольным отморозком, даром что родом из Корлеоне... Черных тоже был счастлив, что живого Реину нос к носу повстречал: сидит, слюни на салфетку пускает – уж так уж он тогда в роль вошел!

– Между прочим, Вадим Тиберьевич, в новейшей истории подобные «прикрытия» в моде: взять хотя бы Жириновского. Может быть, синдрома дауна у него и нет, но он с успехом его имитирует.

– Пуста твоя шутка, Антон, и предельно глупа. Жириновский обычный психопат, но никак не даун. Кстати сказать – из нашей системы, еще в советское время Комитету подписку на верность давал.

– Да, такие слухи активно муссируются в обществе.

– Какие еще слухи? Я даже одно время его рабочее имя помнил... Впрочем, не важно – Измаил он там был, или Печорин. Мерзавец, клейма ставить негде – но в Думе на десятилетия окопался, вице-спикер. При этом сумел сделать то, что удаётся лишь одному из миллиона: свою психопатию, реальную, тяжёлую психопатию, он сумел приспособить, сделать полезной в своей социальной жизни: для непосвященных – он якобы нарочно клоунадит, эксплуатирует психопатичность своего поведения... А он над нею не волен, он не эксплуатирует, он адаптирует. Посмотри, при случае, как он специфически суетится вазомоторами в процессе общения – руками, шеей, ртом... Это характерный штришок... И все равно – подонок. Вот, говорят, Ломброзо, шарлатанство, – а прав был чертяка: взгляни на Жирика на того же, или на Миронова, или на батьку Лукашенко, или на Митю Медведева... Дегенераты, врожденные делинквенты, пришедшие во власть. А их мерзкая пристяжь, ваш брат щелкопер, все эти Доренки, да Латынины, да Сванидзе, да Листьевы, да Невзоровы с Венедиктовыми – это уже вообще клиника! В порядочных странах таких сразу при рождении в ведре топят, а у нас – идола! И тоже поголовно стучат и кадят на обе стороны: одни тем, другие этим, потом меняются местами...

– Но Вадим Тиберьевич! Тогда уж точно получается, что если Комитет таких возвращал, то теперь и неча на зеркало-то пенять.

– А разве я с тобой спорю? Комитет – он тоже на ангелов беден оказался. Тот же и Путин – подполковник, из рабочей семьи, на хорошем счету, а во что превратился?

– Во что, Вадим Тиберьевич? По мне он – самый достойный из правителей российских, Россию с колен...

– Кто? Этот хенде хох из гедээерии? Ты же подполковник, ты присягу давал, Родине клялся, а сам с олигархами в одной банде ворует, попам рясу нюхаешь! На весь мир перед телекамерами крестишься, кресты лобызаешь! Наворовал – не отмолишь!

– Но он ведь православный, русский, имеет право.

– Он такой же православный, как до этого коммунист! И непременно негодяй! Что значит – православный? С каких это пор попы – в светские дела лезут? Атомные подлодки, едрена вошь, освящают! Коли скуфья у тебя, чалма, сари, либо лапсердак – вали подальше от органов власти, да молись пожарче за гражданское общество! И ни на шаг в сторону! А этот Путин: сюда, святой отец, пожалте сюда, святой отец, благословите, отче... Противно! Он такой же русский, в кавычках, как этот... как Проханов, который к Березовскому на отлиз в Лондон ездил! Или как Михалков, который одною ногой русский, да другою советский, а третьею – голливудский. Рояль на трех ногах! Теперь на двух.

– Почему рояль?

– Вульгарный перевод слова монархист. Ох, плохие времена, ох, плохие президенты с премьерками, ох, хреновое тысячелетие стоит на дворе, друг Антон.

– М-да... Оно конечно, Вадим Тиберьевич... И Медведев, наверное, тоже никуда не годится?

– Митя Медведев? Плюшевый? Я ему пару раз лекции читал: я на университетской кафедре – он в зале. Помнишь, как он, еще до своего президентства, в кавычках, прически себе менял: то на бок, то челку, то «политикой»? Так вот, дело не в прическах, а дело в характере, в стержне. Путин – тот четко проявил себя вожаком, пусть среди шакалов, а Медведев – не проявил, или – если ты за него горой стоишь – пока не проявил. И не проявит. Хоть каждый день головы руби – не вожак. У-у-а...

– Вам плохо?..

– Да нет, это я просто разволновался от наших с тобою разговоров, вот и выпустил давление наружу, у меня под двести, сейчас пройдет... таблеточку запью. Прошло, спрашивай.

– Собственно... в принципе, мы с вами уже настолько продуктивно... О! Чуть не забыл! Вот вы – и, наверное, совершенно справедливо – указывали на те, или иные недостатки в

обществе и в людях, но я не припомню... так сказать, позитива, положительных откликов с вашей стороны о новом времени, действительно непростом, действительно противоречивом... Но... неужели нет ничего хорошего в окружающей действительности?

– А, вот ты о чем? Понимаешь, дружище Антон, не путай хрен с редькой: старческое брюзжание – это одно, а многообразие и красота нашего хрупкого и трепетного мира, нашей вечной природы – совсем другое. В юности, видишь ли, все вкуснее и моложе кажется, в то время как старость... Как говорится, старость – это еще не повод для оптимизма. Из хорошего... Экология наладилась слегка. У меня приятели, которые рыбу в Неве по полвека удят, идиоты бездельные, уверяют, что ее уже людям есть можно, не только барсикам... Производство-то свернули, одна торговля мыльными пузырями, кризис-шмызис, вот и вода чище стала...

– А друзья ваши, кстати, сверстники, они как смотрят на жизнь? Сходным образом, или у вас процветает плюрализм во взглядах?

– Полный разброд и шатания, как и всюду в этом хаосе. Но в главном – сохранилось чувство локтя, своего рода братство. Кое-что в душах и в головах мы сумели сберечь, и как знать, может быть, наша старость кому-нибудь в пользу будет, пригодимся еще...

– Старая гвардия не сдается, не стареют душой ветераны! Дай бог, как говорится. Впрочем, вы, вероятно, безбожник?

– Эх, Антон... Без бога – видишь, как оно все по-подлому получается! Сплошной беспросвет, вроде вечно пьяного пролетариата и поголовно тупого крестьянства. И примкнувшей к ним бесхребетной образованщины, вроде тебя, сиречь интеллигенции. Хоть у нас, хоть в Германии... Ладно, это вопрос совести каждого... Ты говоришь – что хорошего в этом мире? Белоруссия с Казахстаном и Молдавией все ближе и ближе к аншлюсу придвигаются – это добрый знак. Главное – этих сковырнуть, местных Ленок, и тогда все будет как надо... Наука и оборонные разработки – тоже, как оказалась, не дотла сгорели... Взять хотя бы «калошников»...

– Кого, Вадим Тиберьевич, какой калошников?

– Не важно. Мне нравится, что тротуары плиткой выкладывают, что дворик в Зимнем открыли для простых людей, с фонтаном, я там побывал недавно, буквально в четверг...

– Да, это замечательно! Я тоже там был несколько лет назад, репортаж делал. Но вот вы упомянули только что...

– Слушай, Антон! Хватит! Все, закончили интервью. Ты записывал?

– Да, Вадим Тиберьевич, конечно, без единой секунды перерыва, как договаривались.

– Очень хорошо. Значит, так. Ты остановись на позитиве, на том, что многолетняя мечта о воссоединении славянских земель плюс Казахстан – близка к осуществлению, так считает Вадим Тиберьевич, и на этом все, мелочевку с тротуарами и фонтанами опустим. Ясно?

– Но... Вадим Тиберьевич... Вообще говоря, я и сам взрослый человек, и у меня есть свое начальство... И мы уж как-нибудь сами решим, что оставлять, что публиковать, вы уж извините...

– То есть – это я не понял? Ты думаешь, что вправе кроить и искажать мои слова как тебе вздумается? Нарезку из моих фраз осуществлять произвольным образом?

* * *

– Стоп, Витя. Ну-ка, Даша, Витя, вопрос обоим: где главная ошибка возникла у Антохи?

– Зря он с этим старым маразматиком залупаться полез, пообещал бы, покивал бы, да и все дела.

– Согласна с Виктором: дискутировать на эти темы с интервьюируемым – нонсенс, пустое сотрясение воздуха.

– Ну... обоим по четверочке с минусом за ответ. А Антошке – кол. Дальше давай.

* * *

– Ни в коем случае, Вадим Тиберьевич! Ни в коем случае! Вы просто неправильно трактуете мои слова! Я подготовлю для публикации текст интервью и лично привезу его к вам на сверку. Любые вкравшиеся искажения или неточности, стилистические и смысловые, будут немедленно выправлены. Для того и нужна запись, чтобы нам с вами аргументировано сравнивать произнесенное и написанное, чтобы, так сказать, не было претензий ни с одной стороны.

– Понятно. Молодец, Антон, и спасибо тебе огромное, а то я действительно немного не так услышал... Значит, договорились: по сие место публикуешь, остальное – чик-чик.

– А что там остальное, погодите, я на память воспроизведу... Экология, местные Ленки, потом этот калашников... Кстати, что за калошников...

– Какие еще... Ты еще будешь мое заплетание языком на бумагу выплескивать? Я тебе четко сказал: аншлюс и экология, и всё! То, что я говорю осмысленно – вываливай, а все мои кашляния, гмыкания, чихания, пердежи и прочее – будь добр, вычеркни. Я немного от тебя хочу, и добром прошу, заметь.

– Простите, уважаемый Вадим Тиберьевич! Вот вы сказали: «добром прошу». Вы мне что, угрожаете? В Смольный пойдете жаловаться? Главреду моему кляuzu накаате? За то что я адекватно и без искажений передал ваши слова? Так в добрый час, на то у нас и свобода, жалуйтесь. Может, вы опасаетесь, что ваши резкие высказывания о власть имущих... Но как раз здесь мы вполне можем почистить, смягчить...

– Ничего смягчать не надо, делай, как я сказал.

– Я буду делать то, считаю нужным, я не так как вы мне сказали, поймите это, дражайший Вадим Тиберьевич, а вы вправе написать на меня жалобу, я привик.

– Не буду я жаловаться. Но ты предупрежден.

– И вы, многоуважаемый Вадим Тиберьевич, предупреждены: как только текст интервью будет готов, вам позвонят, и я подъеду в любое удобное для вас время, на сверку текста.

– Сделаем проще. Текст твоего интервью... окончательный и согласованный с твоим начальством текст интервью, пришлешь мне по электронному мылу – так, кажется, у вас говорится. Про яндекс слышал что-нибудь?

– Обижаете, Вадим Тиберьевич!

– Запиши адрес: vadimtiberjevitchСОБАКАyandex.ru и еще один для страховки... пусть тоже с яндекса будет: nemezidaДЕФИСoldСОБАКАyandex.ru И я уже посмотрю – есть ли тебе смысл приезжать. Все.

– До встречи, Вадим Тиберьевич, спасибо за чай, извините, если что.

– Бог простит.

* * *

– Все?

– Все, Федор Петрович.

– Чего он так взъелся на Антона? Может, ухмылялся он не к месту. Ухмылочка у него та еще... Я ему всегда говорила...

– Не, Даш, ухмылки тут ни при чём. Эх, видео бы нам, аудиозапись нюансов не передает, мало ли как они там сидели, как друг на дружку глазели... А у Антохи теперь не спро-

сишь – и что его, дурака пьяного, на красный свет понесло? Промиллей в крови не так уж много оказалось...

– Да, господа, Антона жалко, лучше бы, конечно, я его заживо уволил... Но почему я сам вынужден копаться в этом интервью, почему оно до сих пор не опубликовано? Сколько оно уже валяется?

– Так ведь, Федор Петрович, тут ведь такой нюанс... Боря Сайпин должен был проследить все это дело и получить от старика согласование, либо в письменном виде отлуп...

– Боря? Какой, на хрен, Боря? Почему Боря, я же Валеевой, кажется, поручал?

– У Валеевой дача в этот момент сгорела, она ее только что построила, на ипотечном кредите возводила, и теперь у нее ни дачи, ни денег, но есть огромный долг, который она безуспешно пытается реструктурировать. Она взяла для разбирательств больничный, потом отпуск за свой счет, вся в микроинсультах, а мы ее дела разбили на три кучки и поровну распределили: Вите, Боре и Чаплину. А Боре сейчас, как вы понимаете, не до работы...

– Ой, мля... Куда я попал! Алкаши, инсультники, теперь уже наркоманы в редакции завелись! Приказ об увольнении сотрудника Бориса Ароновича Сайпина подготовить – и немедленно мне на стол! Отмажется он от ментов или нет, мне безразлично! Волчий билет в зубы и н-на фиг! Попробую сначала отмазать, конечно, гашиш – не герыч, отстоим, есть кое-какие наметки, а потом – к чертовой матери, в дворники, в сантехники, к гастарбайтерам!

– Ему подбросили, Федор Петрович.

– Какой хрен подбросили??? Да мы с ним еще в студенчестве, в универе, в одной общаге, в одной и той же компании не один косяк анаши уговорили! Подбросили! Он еще тогда был горазд на эти дела, только одни с возрастом за ум берутся, а у других ублюдков до сих пор гашиш на кармане находят! Все свободны, свои отделы вздрючить без пощады, поименно, материал мне оставьте. Где аудиофайл?.. А сама флешка где?.. Вижу. Завтра у нас что, какой день недели?.. А послезавтра?.. Харэ ржать, подумаешь, оговорился! А где телефон этого... Тиберьича? Тогда на пятницу примерно полполосы зарезервируйте, я подумаю, повыбираю. Витя, ты все равно по Сети большую часть без дела болтаешься, к летучке подготовь мне короткую справку насчет этого... Джима Хокинса и Калошникова. Тетя Марина! Ко мне зайди, живо! С чаем! С – горячим! – чаем... Дозвонилась?

Глава «Лук и фотография»

Большинство принимает свою недалекость за общую близость. Если верить свидетельствам современников, знаменитый мировой кризис 2008-го года не застал россиян врасплох: кого ни спроси – каждый знал, что нечто в этом роде вот-вот случится, да и Ванга с Нострадамусом загодя предупреждали... Тем не менее, знаменитое «расейское» разгильдяйство помешало населению-всезнайке заготовить впрок мыло, доллары и спички. Зато с поваренной солью промашки не случилось: редко где, в каком жилище не лежали многопудовые запасы ее: однажды, за год или за два до этого, прошелестел слух, что ПОДОРОЖАЕТ – и домохозяйки ринулись скупать. Соль не бананы, хранится долго, соль даже моль и крысы не едят, от соли гниль и плесень не разводятся, пусть себе лежит, есть ведь не просит... Без соли кости никудышные становятся, мягкие, больные... Но много соли – тоже вредно! Разработаны такие методики, которые абсолютно точно говорят: сколько соли полезно, сколько терпимо, а сколько вредно. Тайская соль – экологически наименее вредная, она без химии, абсолютно натуральная, без малейших генных модификаций, с пониженным содержанием натрия и хлора, витаминизированная. Если много соли кушать – от нее толстеешь, особенно вот тут и тут... И не говори! Кошмар, в самых таких местах!.. Бессолевая диета – самая надежная. Да ты что? А в «Глянцевом Гламуре» наоборот писали, что, с точки зрения современной науки, эффект Кирлиан от нее меняется не в лучшую сторону, вот только не помню в каком номере. Ой, слушай, найди, а?

Общественный транспорт – это место, где незнакомые люди вынуждены терпеть друг друга на расстоянии укуса. Лук поочередно просчитал про себя два совершенно разных сценария событий: первый – он вежливо пробормочет «прощу прощения» и утиснется к выходу в другую дверь, ибо грохот в вагонах метро ужасный и взятого расстояния вполне хватит, чтобы не слышать далее «солевых» обсуждений, второй – поворачивает голову и встречается в разговор громкокудахчущих современниц, делает им короткие, правдивые, садистские, но деликатные замечания насчет их интеллекта и кругозора. Первый выбор – проще, однако... Лук, по своей привычке быть упрямым, выбрал третий вариант: остался на месте, дабы позволить этим несчастным старосветским львицам и дальше терзать его слух словесным зудом о земном насущном. А с другой стороны, что им еще остается? – обе эти барышни еще старше, чем он, поэтому делать пластическую операцию на их самосознании поздно, конструктивнее о своем подумать. Смирение, выдержка, способность отключать и переключать эмоции – вот чему следует учиться неуклонно и неустанно, ибо здесь, сейчас и везде обыватели из разношерстной гущи народной, в подавляющем большинстве своем именно таковы, в этом ли вагоне, в том ли трамвае, в маршрутке, на олигархической яхте и даже в правительственном самолете – безразлично, все одинаковы, все планктон... в то время как он, Лук, – подданный Самой Вечности! Впрочем, ни на яхте, ни в правительственном самолете Луку не доводилось бывать, несмотря на богатую биографию и пятьдесят с чем-то лет прожитой жизни. Зато он узнал запах духов, исходящий от одной из отставных красоток, его соседок по вагону: это китайский «Шанель № 5», им на Некрасовском рынке в розлив торгуют по восемьсот рублей бутылка. Ничего, скоро, очень скоро он поедет в Париж, а там... В знакомом бутике, вплотную к Вандомской площади, он тоже купит «пятый» «шанель», игрушечный пятиграммовый флакончик, задорого, и подарит матери... – «Но, но, но, дикари нерусские! Какой еще спрей! Но спрей, только парфюм! Парле ву?.. Только „классик“, понятно, да? Мне же для мамы! Помните, я у вас же в прошлом году покупал? Что?.. Ну-ка...» Лук, стараясь не шуметь носоглоткой, втягивает в себя тончайший аромат, исходящий от бумажного «пробного» лепестка, трепещущего в холеных пальчиках француженки... И еще один, ладно, и этот попробуем... Как будто он что-то понимает в высоких ароматах! Главное здесь

– осторожная улыбка и, немного погодя, легкая осмысленность на лице... О-о!.. А ведь воистину неплохо!.. «Вот это вот! „Мицуко“? Да, это можно и спрей. И парфюм „Шанель“! Лё одисьён, сколько в итоге?.. Как, все эти пробники тоже мне?.. Мегси, кгошка!..» А для знакомых герлиц можно взять что-либо модно-усредненное, там проще... Хотя и не дешевле.

– ...вайте свои вещи в вагонах метрополитена!

Начало восьмого, вполне можно успеть. Лук вынырнул из грез и поспешил к эскалатору. Ему не нравилось внутреннее убранство станции «Комендантский проспект», в котором – ну, вот, почти всё не так: и длинный-предлинный эскалатор, и глупая сине-бело-кремовая гамма по пластмассовым стенам, и дешевый «ларечный» запах, исходящий от этой плебейской пластмассы. Вероятнее всего, реальный, так называемый «новостроечный» аромат бесследно улетучился за несколько лет эксплуатации (Года три-четыре?.. Пять? – да нет, больше уже! Как время-то летит...), поэтому Лук вдыхал виртуальный, тот, что остался в его собственном сознании, всегда чуточку уязвленном интерьерами пластмассовых чертогов. А тупик для чего? Неизвестно зачем созданный, и немедленно отгороженный от пассажиров перронный тупик, образовавшийся в противоположной от эскалаторов стороне? Также очень хороши, в кавычках, кряжистые колонны квадратного сечения, ибо непонятен статус этих ничего не подпирающих колонн... Быть может, создатели метро намеренно предусмотрели такие архитектурные изыски, с тем, чтобы дополнительно стеснить и затемнить для посетителей невеликое пространство подземелья? Лук потрогал взглядом круглую мозаику на одной из стен и, продолжая бдительно хранить на челе скорбную свирепость человеконенавистника, улыбнулся про себя: мозаика ему нравилась.

Долгие эскалаторы, соединяющие надземное пространство Петербурга со станциями глубокого залегания, особенно ведущие на подъем, всякий раз вызывали у Луки томительное раздражение, сродни тому, что обязательно возникает у каждого пассажира, попавшего вдруг на задержку нужного рейса. Вниз-то можно сбегать, что Лук и проделывал регулярно – все-таки развлечение, а вот наверх... Иногда можно и наверх, но это неприятный физический труд, проще потерпеть, только, при этом, не тупо стоять, с плеером на ушах или кроссвордом в руках, а изучать пытливым оком ни о чем не подозревающий человеческий материал, ползущий по ленте встречного эскалатора... Вот, например, женщины... старушки и дети не в счет... Они точно так же – Лук доподлинно это знал – изучают взглядами пассажиропотоки. В основном, оценивают мужчин, это само собой, но не менее часто – наряды и побрякушки на других женщинах. Умом и сердцем Лук понимал, что величайшему писателю землю русской не должно быть столь предвзятым и переборчивым в своих наблюдениях... творческих, разумеется, а каких еще? – Он же создатель, главный инженер человеческих душ, а не презренный поденщик-борзописец... Тем не менее, беспристрастные взоры Луки почему-то чаще всего задерживались на симпатичных и фигуристых девицах. Да, они тоже поглядывают в ответ, но, увы... Чем дальше по жизни, тем реже удается почеломкаться взглядами с понравившейся незнакомкой. Вот, вроде бы, точно, что на тебя глядит, а сама прическу поправляет, дабы скрыть полуулыбку приязни и заинтригованности! Нет, нет и нет, легковерие долой: оглянись – и почти наверняка узрешь рядом с собою истинный объект встречного интереса, который явно помоложе тебя... на два-три десятилетия... Реальность справедлива и именно такова: жаждешь искреннего, чистого и бескорыстного интереса к тебе, к творчеству твоему, хочешь отзывчивости, горячего восхищения словам твоим и сидиною твоей – пересаживайся в спортивный кабриолет, ходи туда-сюда по красным ковровым дорожкам в Каннах, на худой конец – раздавай автографы на улицах и в кафе, у авторских стендов... Можно выронить, доставая из бумажника визитку, эту... тоже карточку... визаголд, или что-то в том же духе, действует не хуже кабриолета... В противном случае – при-творяйся простым пассажиром, будь им хотя бы внешне. И, ради всего святого, не высывай наружу никому не интересные взглядывания мачо не первой молодости. Лук почему-

то вспомнил, как в прошлом году, в парижском метро, довелось ему поиграть в гляделки с аборигенами.

Дело было днем, часа в три пополудни, когда он возвращался из парка Ла Вилле, что раскинулся на территории девятнадцатого «негритянского» округа, на месте прежних парижских скотобоен. Лук любил бывать в этом безумном парке, даже в полдень почти всегда безлюдном в глубинах его, созданном словно бы вперемешку по рецептам сторонников Родченко и Ленотра.

На северо-восточной окраине города скучковались жить, в основном, те парижане, чьи предки были родом из бывших франко-африканских колоний, поэтому Лук почти не удивился, зайдя на станции Ла Вилле в вагон метро: сплошь чернота, не считая какой-то белой старухи и его самого! А вагон полнехонек, хотя и без давки! Африка, да и только! Смирная такая, без поджогов и растаманства, но – Африка, и он здесь чужая белая ворона. Тем не менее, после каждого короткого перегона, на каждой следующей станции, по мере приближения к центру, происходил постепенный этнический «размыв»: черноликие пассажиры выходили, уступая место вновь вошедшим, как правило, с более привычным Европе светлым цветом кожи, и уже на станции Кадет человеческое содержимое электрички превратилось в обычное среднепарижское. Народу в вагоне продолжало оставаться довольно много, и Лук стоял. Случилось так, что чуть сзади-слева от Лука, почти вплотную к нему, от самого Ла Вилле ехала парочка: он и она, оба – «черные», но не очень – «кофе с молоком», обоим лет по восемнадцать-двадцать. По – французски Лук ни бельмеса, поэтому он благодушно внимал трескотне и хихиканью молодых людей, а сам привычно полугрезил о чем-то своем. Но как раз на станции Кадет в вагон вошла белая девушка, девчонка, лет шестнадцати: хорошо одетая, почти без косметики, русые волосы – от природы. Зашла в наполненный вагон и встала где пришлось, то есть, возле Лука и этих двоих молодых людей. О, на питерскую, на землячку похожа, как это мило! Лук даже развернулся, чтобы очистить ей кусочек пространства поближе к себе... И вдруг молодой мулат стал откровенно пялиться на девчущку, улыбаться ей, покрывая с ног до головы обжигающими взорами, в то время как его подружка нисколько не возражала, ничуть не сердилась на изменщика, но даже поощрительно хохотала, глядя на него и на внезапный предмет его обожания. Луку ее смех показался немножко грубым. Вновь вошедшая девчонка стояла, потупив глаза, порозовевшая, видно, что вся в робкой досаде, но – молча, видимо, не имея смелости осадить шутника. Остальные пассажиры тоже молчали, совершенно равнодушные к веселящейся молодежи... Лук присмотрелся для верности – девчонка явно стесняется, ей абсолютно точно неприятны сии «бесконтактные» приставания и наглости... А этим двоим – наоборот, приятны. Ладно. Лук подразвернулся еще на четверть корпуса, чтобы удобнее было, ослабил одной стороной рта и в упор воззрился на хохочущую красотку-мулатку. Она была симпатична, юна: длинные ноги в тесных джинсах, аккуратная круглая попа, относительно большая для ее возраста грудь (где-то первый размер, но зато высокая и без лифчика) под однотонной бежевой блузкой, глаза ясные, ротик припухлый – впрочем, большие чувственные губы положены негритяночкам... Вот только смеется противненько. Смех оборвался быстро: девица метнула один единственный ответный взор на ухмыляющегося мужика в панковской футболке, – добропорядочные парижане давно уже подобных не носят, – на его диковатый взор, небрежно расчесанные седые патлы, и притихла. В мегаполисах всегда хватает странных людей, как правило они безвредны, особенно белые... Но этот... Обернулся на Лука и слегка разгневанный спутник ее – и немедленно поймал встречный взгляд в упор... – Точно псих! Потому что белые обычно ведут себя скромнее и выглядят... благоднее... Лук не любил драться, но про себя прикинул: этот... так сказать... пусёныш – с него ростом, ну, может, чуток повыше, однако статью похлипче: если что, он выпишет ему в рыло, но не сейчас – потерпит до станции, и на этом наверняка все закончится, а Лук тут же выскочит на... ага... Шоссе Дантен Лафайет – место удоб-

ное, многолюдное, в такой толпе его и черт не найдет, никакие камеры слежения не помогут. Единственное плохо: перегон между станциями относительно велик, надо было чуть позже начать... Но мулатик, обреченный стать жертвой короткого мордобоя, вдруг проделал курбет, к которому Лук оказался совершенно не готов: он вильнул взглядом в сторону и, вернув на лицо беззаботность, быть может, чуточку неестественную, принялся смотреть по сторонам. Его «покинутая» подруга теперь стояла молча и смиренно, а Лук, не спеша и без помех, ощупывал взглядом смуглые ланиты, нещипанные брови, короткую стрижку, аляповатые серьги... Бесплезно и неинтересно: она кротко терпит, а парень, забыв про нее и про флирт с белой овечкой, так же молча изучает метро-маршрут ветки номер семь. Но ведь только что были хозяевами жизни! Лук хорошо помнил тот случай в парижском метро, а лица забыл: встретить он эту юную блондинку, или ту парочку – ни за что не узнает. Наверное, и они его тоже... Вроде бы, та белокурая девица, которую он защитил столь странным способом, выходила на одной с ним станции... или раньше... Интересно, она хоть поняла происходящее?..

Верхний вестибюль Комендантского проспекта имеет четыре выхода наружу, Луку в этот раз, и как обычно, понадобился тот, что «направо-налево», поближе к Комендантской площади и проспекту Ильюшина.

– Ой – йё-о! Ка-ззёл... – Плечу было больно, слова сами вылетели сквозь лязгнувшие зубы, но все-таки Лук был не прав: такие оскорбительные слова все не произносятся. Просто Лук был слегка разгорячен милыми его сердцу воспоминаниями о Парижской весне... Но, с другой стороны – пьяный парень, здоровенный такой, ростом чуть повыше Луки, но, такой... плечистый, накачанный, масса – явно за центнер, намеренно вел себя нагло: пернапролом, пиная и расталкивая прохожих, среди которых оказался и Лук. Чувак был изрядно «под балдой», однако на «козла» среагировал чутко и без задержки: развернулся и молча пошел на Луку. Того пробила запоздалая жуть, но – поздно каяться за свое ответное хамство: конфликт начался.

Уж что-что, а это отличие Парижа от Петербурга давало о себе знать по возвращении домой немедленно, еще в Пулково: уровень агрессии в питерском воздухе, конечно же, не изменился за неделю, он все тот же дамоклов меч, что и прежде, однако, в Париже, ежели по российским меркам считать, его нет, или почти нет, а дома – вот он! – всегда присутствует (кроме разве что Новогодней Ночи, когда и дети, и взрослые бескорыстно и поголовно каждому рады, со всеми дружелюбны, согласно заветам деда Мороза и Снегурочки), всегда над головой, но ты-то успел от него отвыкнуть! Да и невозможно, по большому счету к этому привыкнуть: сколько Лук помнил себя – всюду он был рядом, этот призрак возможной агрессии, в армии, на дискотеке, в стройотрядах, в экспедициях, в шалманах, в метро...

Все трусят перед боем, но лишь победители умеют это помнить; главное в драке – встретить, не прогнувшись, одно-единственное первое мгновение, дальше дело идет веселее. У Луки аж поджилки задрожали от решительной поступи пьяного амбала в его сторону, но Луку доводилось побеждать в случайных уличных и кабацких драках, и не однажды, поэтому – страх страхом, а... Как говорится – глаза боятся, руки делают... Левая ладонь словно бы сама сжалась в кулак и прыгнула вперед, надо лишь не мешать удару и поддерживать его разворотом корпуса, то есть, согласно законам физики, вложить в него массу тела и дополнительную скорость... Ну а что тут еще сделаешь? Все главные слова уже сказаны, дополнительная брань и крики бессмысленны. В табло, в челюсть! А там уже можно будет шевелить руками и ногами по обстановке, что называется: отмахиваясь, либо наоборот, на добивание... Руку потрянула острейшая боль, но не в костяшках пальцев, а в запястье, Лук успел испугаться: перелом! Или нет, или вывих?... С одной рукой в драке – ой, худо! По счастью, противник Луки не воспользовался предполагаемым преимуществом: он покачнулся, несимметрично расправив поперек широкого тела руки-крылья, его повело влево, шаг, дру-

гой – и, к величайшему облегчению Лука, парень упал. И упал-то весьма удачно: не грянулся навзничь на каменный пол затылком со всей дури, но сначала согнулся, рефлекторно загордив обеими ладонями рот и челюсть, осел на задницу, завалился на спину с подогнутыми ногами и сразу же перевалился на бок.

Лука пребывал в адреналиновом оцепенении совсем недолго, считанные секунды: вот поверженный зашевелился, застонал окровавленным ртом, голову пытается поднять.

– Очхор! – мысленно крикнул самому себе Лука, – валим отсюда! И срочно, менты повяжут – мало не покажется!

Лука на всякий случай хлопнул по левому карману джинсов – ай, больно руке! – бумажник при нем, а в бумажнике членский билет «Союза российских писателей» – от ментов хорошо помогает... Но лучше не рисковать даже и при наличии билета. Лука сунул саднящие пальцы левой руки в карман куртки, правую извлек из нагрудного кармана очки для чтения, нацепил их на нос – и покинул место происшествия, шагая размеренно, солидно, отнюдь не спеша, как это и положено разумному зрелому горожанину, либеральному интеллигенту... Вовремя ушел: навстречу ему, сквозь жиденькую толпу, уже поспешали двое, дюжий мент и толстомясая ментовица... видимо, среагировали на женские вопли... Да, зрительские вопли имели место быть, без них ведь не обходится ни одна, даже самая короткая, драка в общественном месте... Молоденькие стражи порядка, весьма неопытные: все взгляды туда устремлены, в эпицентр, по сторонам не смотрят, обстановку не секут. Миновали, ура. Покуда они дойдут до места, покуда осмотрятся да разберутся – Лука уже и след простыл. Парень очевидно пьян – милиции сие обстоятельство в великое облегчение: для протокола уже зафиксирован один бесспорный виновник, ему и отвечать за нарушение общественного порядка. А вот Лука не пьет. Не употребляет ни алкоголя, ни иного какого «ширева», либо подкурки, а равно курева и колес на протяжении двадцати с лишним лет. Не завязал даже, а просто перестал употреблять, ибо... Ибо лучше заранее перестать, чем потом завязывать... Столько ребят умерли заживо от этого дела: смотришь – вроде бы Женька, начнешь общаться – труха, нежить... Говорят, надо жить проще, почему-то подразумевая под этой простотой подражание человеческому стаду, принятие присяги основным его духовным ценностям, как то: телевизор, пиво под футбол, преферанс, баня с обязательной выпивкой после пива... Нет и нет. Со стаканом просто, под стаканом пусто. Когда тебе полтинник с хвостиком, очень трудно рассчитывать, что судьба вдруг развернется в нужную позу, а удача изменит ради тебя молодым и успешным, но, тем не менее... Себе не веришь – кому ты нужен!? Вот и верь, вот и живи, вот и действуй! Лука охватила запоздалая тоска: а ведь могло обернуться иначе! Во-первых, даже если не брать в расчет осложнений в отделении милиции, парень мог оказаться проворнее – и как тогда прикажете фотографироваться? Лука, с долгой отвычки, мог промахнуться и не попасть в нужное место челюсти, он мог пропустить удар и сам упасть... Тот бы кулаком свалил, ботинками добавил!.. Ногами в лицо – это очень и очень больно! Лука передернуло от омерзительных воспоминаний, он покрутил головой и покаянно вздохнул: нет уж, Париж – это Париж, рисковать поездкой из-за собственной несдержанности и глупости никак не годится! Впредь он будет холоден как пингвин, вмерзший навеки в антарктический айсберг, спокоен, словно телефонный автоответчик службы времени в ПТС-Телеком, предусмотрителен и хитер, подобно... Пальцы нормально шевелятся, а вот кожу на костяшках сvez, не меньше недели будет болеть и заживать, тут уж и к Нострадамусу не ходи. В перчатках было бы легче, но – конец марта, жарко в перчатках... А еще есть иные, черной кожи, как бы велосипедные или рокерские, «беспальцевые»... Тоже суставам удобно, в случае чего... да уже не по возрасту Луку такие носить.

По-хорошему, следовало бы еще днем вывернуть куда-нибудь в центральную часть города, найти фотосалон и там сделать необходимые фотографии, цветные, нужного размера, в требуемом количестве – для вожденной зарубежной туристической визы. Француз-

ское консульство, как говорят, чуть ли не со штангельциркулем вымеряет размер головы на фотографии, а владельцев неправильных фотопараметров нещадно забраковывает и в Париж не пускает. Как говорится, Железный Занавес из Советского Союза эмигрировал в Европейский Союз. А в Турцию или на Кипр пропускают кого угодно и как угодно, только приезжай, и не надо никаких справок с места работы, банковских выписок, собеседований! Но Луку хотелось именно в Париж! Он был во Франции четырежды, каждый раз по неделе, а теперь очень, очень хотел продолжить традицию и добавить к пережитому пятую неделю! Деньги для поездки просыпались на Лука нежданно-негаданно, откуда он менее всего ожидал, мечты о каком-то таком сиренево-мерцающем чуде вдруг обернулись конкретной возможностью поездки, поэтому Лук, все еще не смея до конца верить в реальность происходящего, взялся за дело. Туристическая фирма снабдила его подробными инструкциями и просьбами, насчет всевозможных справок, анкет, фотографий... Где-то здесь, в районе Комендантской площади, наверняка можно отыскать фотосалон, вроде бы, он даже где-то что-то такое видел... По кругу, что ли, обойти?.. Точно ведь был, где-то рядом с автобусной остановкой!

Боль в потревоженном кулаке медленно пульсировала и медленно угасала... Как здорово, что он не промахнулся! Вот бы всегда так!.. Нет, нет, нет – всегда не надо, пусть дураки дерутся, а умные и нравственно изобильные, дружище Лук, просто обязаны уметь иначе решать все свои проблемы и задачи... Мирно, размеренно, бесстрастно, с помощью интеллекта и выдержки, а отнюдь не в мордобое с негарантированным результатом... Что?.. Все правильно: идете прямо по Ильющина и наискось через перекресток. Не за что.

Лук подсказал прохожему дорогу до торгового центра, куда и сам направлял стопы, в расчете найти фотосалон, но поднял взор и увидел вывеску прямо перед носом: «Срочное фото. Все виды документов. Художественная съемка.» А часы работы у них... – ежедневно, с 11 по 21. Подходит. Лук поднялся по ступенькам и вошел в открытые двери, подпертые «для открытости» грубым вульгарным обломком красного кирпича, – это даже хорошо, это признак невысоких цен, впрочем, как знать, быть может, сей «Владимир Маков и сыновья» – местный микро-монополист и дерет со случайных посетителей три шкуры?

Маленький невзрачный салон угнездился в перестроенной квартире, на первом этаже панельной двенадцатиэтажки и делил это тесное помещение с магазинчиком «колониальных» товаров, скорее всего турецких и китайских, замаскированных под индийские и ацтекские и еще какие-нибудь неведомо таинственные. В магазин – налево, в фотосалон – направо.

Боль в разбитых пальцах постепенно унималась, хорошо бы сполоснуть и вытереть насухо... Наверняка в салоне есть умывальник, и если удастся поймать контакт с фотографом, войти в настроение – глядишь, и позволят руки помыть...

Очереди не было, но фотограф и его помощница заканчивали расчеты с клиенткой, пришлось минутку обождать. Сыновей, обозначенных в рекламном листочке под вывеской, нигде не наблюдалось.

– Слушаю вас? – Это фотограф спросил, опередив помощницу.

– Поговорим о фото? – Лук улыбнулся и ответил вопросом на вопрос, решив, что неформальное начало беседы самый быстрый ключ к установлению дежурно-теплых отношений между исполнителем и заказчиком.

– А тут не о чем говорить. Хотите сняться – снимем, а так разговаривать о фотографиях нам просто некогда.

Лук понимающе кивнул мастеру, однако только что пережитый стресс все еще давал о себе знать: обычное нежелание собеседника, явно утомленного и задерганного к концу рабочего дня, поддержать чужой тон и темп разговора, мгновенно вернуло эмоции Луку к точке закипания и стерло улыбку с его лица.

– Да, хочу. Но у меня два предварительных вопроса: делаете ли для визы, и сколько это будет стоить?

– Делаем. Вот ценник. Вот... вот сюда смотрите... Леночка, подготовь пока...

В душной клетухе первого этажа панельной многоэтажки, расположенном за обшарпанной дверью, подпертой куском промокшего кирпича, цены могли бы быть чуточку скромнее, но так уж не хотелось никуда больше идти, что-то там искать... Ладно, сойдет, дороже обойдется ездить в поисках разницы.

– Очень хорошо. Но только имейте в виду: мне для визы, там требования такие тонкие, что...

Но господин Маков вновь перебил Лука на полупhrазе:

– Все эти требования мы знаем наизусть и лучше вас. Снимайте куртку, вешалка перед вами.

– Виза французская, – Лук решил в упор не замечать собственное, вспыхнувшее в груди, раздражение и снова улыбнулся, – то есть, они там до миллиметра вымеряют размеры головы, не хотелось бы обмишуриться.

– Все будет в норме. – Фотограф Маков уверенно пообещал, но, тем не менее, коротко задумался и добыл из недр стола металлическую линейку. – Будете причесываться? Позвольте-ка, я стул подвину. Вешалка? – да вон же, за календарем, я ведь показывал.

Стул был вовсе и не стул, а низенький круглый табурет на крутящейся ножке, сидение обито дешевой тканью «тигровой расцветки», чтобы стул передвинуть, достаточно было руку протянуть и не устраивать толчею из двух человек.

«Ужели нарочно он меня толкнул? – подумалось Луку. – Сговорились они против меня, что ли, всей Комендантской площадью?..» Он повесил куртку на крючок, расчесал назад волосы, чтобы уши выглядывали... Нормально.

– Простите, а вы на «цифру» снимаете?

– Ну, естественно, а как же еще? Теперь уже по-другому не бывает.

– Угу! – Лук машинально дотронулся правой рукой до бумажника, в котором, помимо писательского билета и всяких других полезных мелочей, типа, бумажных денег, дисконтной и банковской карточки, хранилась малюсенькая плоская «походная» флешка на шестнадцать «гигов». – Так, может, вы мне потом скинете файл, на память?

Мужичок-фотограф поглядел на Лука поверх очков и спросил жёстким голосом продавца из советского универмага:

– Так вам фото, или файл?

– Фото. А файл на память.

– Не вопрос, вы платите – мы закачиваем.

Лук уже неоднократно сталкивался с цифровым фотографированием на документы, дважды спрашивал насчет файла – и ни разу не получил отказа или требования заплатить... Это какое-то жлобство – все равно ведь сотрет как ненужный?

– Так ведь вам он не нужен, файл этот, все равно ведь сотрете?

– Это уж позвольте нам решать, что нам делать с нашей собственностью.

Лука охватил внезапный и очень сильный порыв: повернуться и уйти к чертовой матери, отложив фотографирование на завтра. Или там, в торговом центре попробует поискать, все равно по пути... Сей хамоватый Маков – точь-в-точь – производитель услуг эпохи развитого социализма: «вас много – я одна». Лук даже шевельнул рукой, чтобы поднять и протянуть ее к вешалке за курткой, но разбитые костяшки пальцев ойкнули от неосторожного движения и он мстительно запретил себе дальнейшие эмоциональные всплески: хватит, чуть не довыплескивался! Париж стоит обедни, терпи, вырабатывай характер.

– Понятно. И какова цена?

– По ценнику. Вы же смотрели.

– Круто.

За все время подготовительных разговоров и процедур ассистентка Леночка не произнесла ни слова, да и внешность у нее была невыразительная... Лет на пятнадцать моложе своего шефа и явно ему не посторонняя, хотя и не сын, и даже не дочь – иначе стал бы он держать ее в столь невеликом бизнесе, при столь скромном клиентском потоке.

– Так что вам – фото или файл?

– Фото. (Вот сейчас не выдержу и суну ему между рог! Чтобы левой руке было не обидно в одиночку болеть! В истории мировой литературы этот день будет наречен искусствоведами Днем Кулачных Поединков! За всё отплачу, за метро, за дефицит, за весь долгий период проживания при социализме и при советском сервисе!.. Дабы смешать прах старого мира с грохотом и стеклянным звоном разбиваемых фотоприбамбасов!)

– Присаживайтесь тогда.

Фотографу Макову было абсолютно плевать на «эстетические» свойства полученного изображения, Лук видел это отчетливо, даже сквозь красноватую пелену раздражения, но и его не очень-то волновала собственная красота, он ведь мужик, а не красна девица, так что и ему до фонаря уровень фотосессии, лишь бы придирок в консульстве не случилось. Ну, неправильный же, дурацкий свет выставлен! Какой-то ты зловердный плохиш-переросток, Владимир Маков, чувак!

Лук смерил взглядом щуплую фигуру мастера, пошевелил пальцами здоровой руки и устыдился собственных мыслей: ладно, хрен бы и с ним, и с файлом, и со светом – лишь бы скорее. Жрать хочется, в ванну бы залезть, почту надо проверить – с утра в Сети не был, вдруг откликнулись киношники... Фотограф сделал пробный снимок, промерил что-то там на мониторе компьютера, поправил камеру... щелк, щелк, щелк...

– Всё. Девушка примет у вас денежку, и через несколько минут ваши фотографии будут готовы. Позвольте стульчик.

И опять локтем в плечо толкнул. Да что за чертовщина – мнится ему чужое хамство, или нервы пора лечить?..

Лук заплатил согласно прейскуранту и отодвинулся в смердящий «индийскими» благовониями «тамбур», в ничейный коридор между магазинчиком и салоном, пропуская в тесное пространство комнаты клиента, пришедшего за ранее сделанным заказом. Несколько минут он обождет, это нормально. При других обстоятельствах Лук непременно уточнил бы – сколько именно минут ему придется ждать? – не из спешки, а так, сугубо из любопытства, но вот сегодня... Девушка Леночка отсчитала ему сдачу до копейки, а квитанцию, судя по всему, выдавать не собиралась. Ишь как они с кризисом борются! С последствиями кризиса! С отголосками последствий! Спокойно.

Лук представил, как он сейчас... нет, сначала он дождется фотографий, проверит их, сунет слегка похрустывающий, словно бы накрахмаленный, конверт с домотканым лейблом: изображением этого тщеславного Макова... – пронзительный взор поверх очков, «мастер-фотограф» – боже ты мой! – ...во внутренний карман куртки, а потом уже пуганет их громкими претензиями по поводу отсутствия квитанции!.. Нет, не годится. Сначала-то они, конечно же, испугаются, застигнутые врасплох, но быстро придут в себя: все-таки, не первый день в своем ателье, – и тут же начертая ему эту злосчастную бумажонку-чек, внесут в рабочий журнал, а потом возьмутся писать объяснительные во все инстанции о злонравном и склочном господине, который хотел облыжно обвинить непонятно в чем капитана маленького, но гордого фотобизнеса... вероятно, спьяну, или обидевшись на зеркало, сиречь фотографию, адекватно воспроизведшую в цвете все особенности потасканной физиономии своего не очень нормального и не очень умного владельца. Нет, претензии такого рода в лоб не покатыят. Это нужно тихо и скромно выйти, а потом бежать куда-то... – Лук совершенно не представлял направления – ... в общем, по соответствующим фискальным адре-

сам, например, в ближайшее ментовочное отделение..., знать бы хоть, где оно..., там написать жалобу... Потом последует рейд, внезапная проверка по горячим следам... он увидит растерянность и ужас господина Макова перед неизбежными санкциями, быть может даже разорением... горькие слезы раскаяния и отчаяния его невзрачной компаньонки, доверившей свою бесцветную судьбу... Бредятина, тьфу! Знали бы его читатели, о чем он... Нет, все должно быть не так. Сразу же, как только получит в руки фотографии, – но не раньше – обратится он к этому Макову: «Уважаемый господин Маков!..» Нет, не буду говорить уважаемый! «Послушайте, господин Маков! Владимир... не знаю как по батюшке... впрочем, сие не важно! А важно то, что я хочу вам сказать. А хочу я вам сказать несколько фраз, которые не успеют утомить ваше внимание, и без того истерзанное долгим рабочим днем, но быть может, принесут вам пользу... Если, конечно, вы захотите услышать мои слова...» Нет, сие было бы долго и слюняво, этот тип четыре раза успеет меня перебить и оборвать, и тогда, на четвертый раз, я не выдержу и так ему врежу... Стоять, Зорька: никаких всплесков, только солидный и несуетный обмен – словами, аргументами и мнениями! «Господин Маков! Вот я посмотрел, как вы работаете – и остался недоволен. Вы нехорошо, неправильно обращаетесь с вашими посетителями, грубо разговариваете, вероятно, подпитываясь ложным чувством превосходства над окружающими. Я даже не о квитанции говорю, которой, кстати, я так и не увидел... Не надо мне вашей квитанции! Но впредь я в ваш салон – ни ногой! Сам не пойду и никому из знакомых не порекомендую. А при случае – обязательно отговорю пожелавших. Я... журналист... я бы мог написать о вас в газете... „Петербургский вестник“, к примеру, нелицеприятно, с указанием адреса, претензий и прочего, и вы не сумели бы обвинить меня ни в клевете, ни в диффамации, ни в рейдерском захвате, поскольку я ушел бы тихо, квитанции не требуя, но сохранив и конверт ваш, и лишние фото, чтобы вам было нечем оправдываться и что-то там подчищать задним числом в бумагах... И одним хамским бизнесом на земле стало бы меньше, а тебе лично, урод, я бы начистил...» Стоп. Ибо сказано: брань уравнивает все спорящие стороны не хуже Кольта и укладывает их мордами в грязь быстрее Калашникова. «...И одним бизнесом, практикующем неуважительное отношение к потребителю, стало бы меньше на белом свете. К вам бы перестали ходить, ибо вы не один на свете фотограф... точнее – ремесленник от фотографии. И ваша фирма разорились бы, перестала существовать и обеспечивать вам и вашим близким ежедневное пропитание. Я внятно изложил свои мысли? Спасибо за внимание, господин Маков, счастливо оставаться!»

Плохо. Плохо, плохо, малоубедительно, скомкано, аргументов ноль, одни завывания. Этот Маков отгавкается точно такими же безумными эмоциями, потом велит своей Манечке-Леночке выдавать квитанции всем посетителям, потом вместе, за чаем или кофе, они повздыхают над своей тяжелой участью – работать с дебилами и кляузниками, а на следующий день, вряд ли через два, забудут и о нем, и о перебранке, и даже о своем мимолетном, сгоряча принятом, намерении предохраняться квитанциями.

Бессмысленно и бесполезно. Что толку яриться, получая тумачи и царапины от этого несовершенного мира, когда гораздо проще назначить в своем воображении субъективные невзгоды объективными, тем самым избавив себя от лвиной доли переживаемых обид... То есть, вполне конструктивно будет уравнивать в правах подлюю простуду с кашлем, подобно манне небесной упавшую на прохожего, в придачу к дождю из низких грязно-серых весенних туч, и жлобские манеры постсоветского сервиса! И то и другое огорчает, и то и другое причиняет неудобства, и то и другое приводит человека в немалое раздражение, но... Исчезли тучи дождевые, улетели в сторону Балтийского моря – пусть и оставив в груди простуду с кашлем – и уже забыты навсегда! Нет жажды помнить их очертания, гнусные повадки, мстительно мечтать о распылении оных при помощи алюминиевого порошка, сброшенного на них малой муниципальной авиацией... Вы, господин Маков, всего лишь досадистая щепка-заноза из дощатого забора, преградившего путь одинокому страннику – зачем

я буду мстить занозе, мерзкому собачьему лаю, порыву мокрого ветра?.. По разуму и жажда. Мне, всего лишь, нужны фотографии на визу, плюс сама виза, плюс оплаченная путевка в Париж, «восемь дней, семь ночей», включающая в себя проживание и убогий континентальный завтрак... И обувь, чтобы ноги не сбить – которые все равно будут сбиты вдребезги к концу недели, и пластыри на костяшки пальцев руки – за три-четыре дня все пройдет, а без пластырей – дольше будут заживать, дело известное... Луку показалось, что сотрудница фотоателье о чем-то спросила его... по крайней мере смотрит на него словно ожидая ответа... но – лень выныривать из грустных мечт в унылую действительность, лень пытаться понять ее слова, поддерживать пустой диалог... Переспрашивает – вот ведь досада...

– Где как. В центре прошел, а здесь – вроде бы и сгущается что-то такое, но асфальт пока сух. – Голос у Лука равнодушный и тусклый, ибо он справился с собой, ему уже действительно глубоко плевать на судьбу обитателей этой каменной конуры, на уровень их материального благосостояния и даже на судьбу файлов с его, Лука, изображением. Если ему и дальше посчастливится с поездками, то все равно придется фотографироваться заново, дабы фото, согласно требованиям визовых служб развитых демократических государств, были свежими. А службы те – ох, бдительны до пришельцев с сибирского востока, любому Кагебе фору дадут. Сейчас у Лука волосы до плеч, а завтра ему вздумается состричь их под ноль – с кем потом объясняться, кому рассказывать о роли собственных прихотей в творческой биографии? Но даже и просто хранить у себя такие файлы – огорчение сплошное, особенно для женщин, ибо сфотографированное лицо, в отличие от оригинала, не стареет, не толстеет, не покрывается новыми морщинами, пятнами и прочими сединами... Стирайте к хренам, господин Маков, вы мне никто и ваши файлы тоже.

– Что? Спасибо, непременно буду заходить.

Да, кстати говоря, ловкий ты малый, дружище Лук, правильно сказал! Для отмщения сия вежливая насквозь лживая фраза – самая лучшая, ибо она не дала этим ребятам с фотоаппаратом обратной связи, они остались в полном убеждении, что с клиентами так и надо обращаться: уверенно, жестко, обрывая на полуслове... Быстрее загнутся. А так – приняли бы меры, научились бы уступать и улыбаться...

Дело сделано, фотографии на кармане, оставшийся путь – погода позволяет – лучше проделать ножками, не прибегая к помощи механических повозок. Лук, ты устал, что ли? Да нет, вроде, есть еще ньютоньки в пороховницах, дорога чистая, ибо зима выдалась суперобильная, снегоуборочная техника работала день и ночь, выскребая с тротуаров мерзлые осадки, так что лужи невелики...

И Лук пустился пешком – так ему больше нравилось: во-первых, он экономит деньги, а это почти половина евро, шесть таких походов вместо проездов – и вот уже нарисовалась чашечка кофе на Елисейских полях, на сэкономленные-то денежки. А на парижском кофе он как раз экономить не будет! Плюс к этому, спортивная форма поддерживается упругою ходьбою, на средние и дальние расстояния, и, что самое важное, он думает на ходу, книгу пишет! Там и сям в тяжелых от снега лужах расплывались отвратительные бурые пятна – табачные жёвки – не от них ли голуби стали дохнуть в массовом порядке? Вороны-то умнее будут, отраву не клюнут. И воробьи умнее... Странная птица – городской воробей...

В короткий промежуток между завершением работы над одним романом и началом работы над другим, Лук позволяет себе не только общественный транспорт, но даже музыку в наушниках, или просто бездумное безделье, однако сей благословенный кусочек времени давно завершен, а до нового очень далеко – так что, вперед, Лук, иди и думай, обтачивай сцены, детали, идеи... Но в этот раз обточка не задалась: то вставала перед глазами пьяная харя того амбала в метро, то душа взрыкивала, вспоминая реплики фотографа Макова, то, вдруг, нога перед перекрестком с улицей Планерной неосторожно выбрала опору и провалилась по лодыжке в мерзкое месиво из талой воды, окурков и грязного снега... Вот, лужи Лук

с самого раннего детства разлюбил, вероятно, после какого-то конкретного случая-происшествия, забытого прочно и навсегда... Без психоаналитика тут не разобраться, а психоаналитикам Лук на грош не верил... Но к одной единственной луже на свете он, в виде исключения, испытывал уважение и симпатию: за стойкость! Небольшая, в общем-то, лужица, метра два в диаметре, скромно раскинулась посреди Петербурга, на площади Искусств: если повернуть от канала Грибоедова на Инженерную улицу, выйти по ней к вышеупомянутой площади и направить свой шаг через асфальтовое кольцо проезжей части, туда, где среди зелени и садовых скамеек высится великолепный бронзовый Пушкин работы Аникушина, то там, на входе в крохотный скверик, она и живет-поживает, лужа, понравившаяся Луку. Шириною она ровно в песчаную дорожку, на которой лежит, не оставляя даже самой узенькой кромки, дабы по ней можно было бы пройти не замочив ног в легкой обуви, надобно обходить. И обходят: по обеим сторонам дорожки, за низенькими металлическими ограждениями, более похожими на миниатюрные штанги хоккейных ворот для гномов, прямо по газонам утопаны слева и справа незарастающие народные тропы. Не то чтобы случайное туристическое стадо снова пробежало, попортив лужайку, но реальные две тропинки, твердостью «убитой» поверхности не уступающие асфальту. Это значит, что лужа поселилась там давно и, видимо, навечно... Любой дворник, любой градоначальник, оказавшись на площади Искусств подле этой лужи, просто не сумел бы не заметить сей феномен! Стало быть, она – артефакт, охраняемый государством, достопримечательность, вроде Русского музея, выстроенного неподалеку от лужи, иначе бы ее давно уже засыпали гравием (хватило бы одной тачки) и разровняли бесследно...

Ботинок надо не забыть высушить, предварительно вынув стельку, иначе запаха от носков не оберешься, дамы, пожелавшие принять галантного гостя, могут быть недовольны. Такое ощущение, что в нем даже подметка промокла насквозь. Лук поколебался: заходить в магазин по продукты, или не заходить?... Деньги пока есть, но их мало: на оплату Интернета и телефонов хватит, а вот квартплата подождет до лучшего дня. Да, потерпит – ведь ждет же Лук! Парижские евро – не в счет, их как бы нету, парижских, неприкосновенных! Тем более, что худеть надобно. Лаваш – это можно купить. Худеть, худеть и еще раз худеть! Одна грудастенькая поэтесса, после какого-то кулуарного разговора о судьбах русской словесности, высказалась на его счет: «девяносто килограммов одной спеси!» Увы, действительность всюду хозяйка, кроме политики и любви, но даже самая сладкая лесть – это всего лишь лесть: в нем давно уже под центнер живого веса... Эх, денежки! Тут только и остается, что вздыхать: всюду вдруг случился затор в трубах, наполняющих Луков маленький личный финансовый бассейнчик – и вот он обмелел. Дошло до смешного: старинный приятель Лука по эпизодическим журналистским делам, тоже член СРП (Союза российских писателей), главред одного крутого питерского издания, Федя Медведенко, попросил Луку проверить некую статью, типа интервью, обозреть взглядом мастера на предмет «блох» и так называемой «лирики», текста, который можно и нужно выбросить из статьи, не нарушая атмосферы и смысла написанного... И насчет достоверности некоторых специфических реалий, по которым Лук считался знатоком. Денег пообещал – а у Федьки слово четкое, твердое, не то что обычно у этих... книгоиздателей... Ну, проверил статью. Довольно занятный текст, интервью по форме, были там подробности, о которых даже Лук никогда прежде не слыхивал! Он почти и не трогал ничего, лишь посоветовал заменить некое географическое название на более точное: вместо Джинестра дель Гольфо – Портелла делла Джинестра. В интервью было одно ранее вырезанное место, его Лук вообще не касался, но к себе в архивы зачеркнутый текстик перегнал, жалея, что не может дотянуться до диктофонной записи... «...цифика любой работы, по кадрам, по агентуре, связанной с насилием над личностью, с подавлением его Я. Не всегда ведь удастся выстроить отношения – а они самые надежные – на деньгах и на доверии... Бьешь, пригибаешь и попросту привыкаешь не бояться мести

этих шавок на цугундере. Наркоман, алкаш, извращенец – они все, как правило, предельно слабые личности, в русском языке для них есть очень емкое и звучное определение: чмо. Слышал о таком, Антон?.. Еще бы ты не слышал. Ты его гнешь, топчешь, обираешь, унижаешь – а он тебя ненавидит. Ну так что ж – пусть ненавидит. Я ведь не просто так пинаю это пресмыкающееся, мне по службе надобно сие! Тем более знаю: не отомстит никогда. И везде, во всем мире так, в любой ячейке общества. Сейчас он в ярости, в едва подавленном бешенстве, он смотрит на меня и желает мне самые адские мучения, которые только он способен вообразить своей гнусной маленькой душонкой... Да, он дает себе страшнейшую клятву, что не забудет публичного унижения, что дождетя, пока его выпустят из петушиного кутка, из паспортного стола, или из вытрезвителя, что улучит, пока я повернусь к нему спиной или сниму намордник... А он хватя меня монтировкой по башке, либо вцепится зубами в кадык, либо прострелит руки-ноги и начнет пытаться до полного катарсиса отмщенной души. В реальности же, я ему, вместо этого, даю прощальный пинок, он уходит, побитым... и жажда мести, или, там, жажда тем или иным способом доказать свою состоятельность, свое превосходство, переполняет все его существо... Но... но... но. Чтобы доказать или отомстить, нужно поступиться привычками и пороками сегодняшнего дня, или обуздать их на время, дабы не мешали достичь только что поставленной цели... Ан глядь – пивной ларек на пути, или спать захотелось, или срать, или к Нюрке под бочок... или там, к Мэри, к Джюльетте... И всё! И весь душок из него вышел! Дом построить, врага убить, язык выучить, песню придумать – завтра, а мордой в корыто, а потом в лужу – сегодня. Такого – топчи не хочу! Да, бывает в жизни всякое, и даже червь способен пожрать полубога, если судьба разрешит. Ну, так в нашем деле и это нам на пользу идет. Он скулит и мечтает о моей крови... и эти сладостные мечты, имеющие микроскопическую вероятность сбыться, заменяют ему самую месть. До самой его смерти. Но это все лирика, сопутствующая делам. Где?.. У нас на службе, в бюро взаимодействия с мафией»... Три тысячи рублей посулил ему Федор за невеликий труд, поправку принял – а заплатить не успел, ибо словно ураганом сдунуло его в Монголию на длительную командировку в составе правительственной делегации! Да не краткой представительской, а членом полновесной рабочей группы! Нечто важное, связанное с долгосрочными ураново-золотыми перспективами, где требовалось во что бы то ни стало опередить и обштопать конкурентов, америкосов и китаезов, причем на всех фронтах – массмедийных, производственных, взяточных... Это месяца на два, если не дольше. Поскольку Федя боец всего лишь информационного фронта, ему якобы твердо посулили, что отпустят гораздо ранее других членов рабочей группы, а взамен зашлют москвича-газетчика, какого-нибудь авторитетного желтого комсомольца... Тяжел Федя на подъем, ленив на поездки, где отнюдь не он командир, где ему самому, как встарь, придется добывать и писать материал, плюс жена недовольна, и с любовницей наметились какие-то острые заморочки (Лук не любопытствовал, Федька сам пожаловался мимоходом на «военно-полевую жену», сотрудницу своего издательства, однако сочувствия от Луки не снискал), но чуть ли не сам Сурков его попросил... или кто-то в этом роде, из временно окопавшихся там, на высотке, за зубчатыми стенами Кремля... Эпоха высоких технологий позволила бы Луку отыскать господина Медведенко даже и в Улан-Баторе, но... Во-первых, несолидно, а во-вторых – пока статья не выйдет, не принято требовать расчет, хотя он не автор и свое дело завершил сполна... Тем более, что гонорар такой... что называется, «черно-бурка», по расчетным ведомостям не проходят, с кого прикажете спрашивать, в отсутствие главного? А статья так и не вышла. Три тысячи – невелики деньги, но Луку без них очень грустно!

Вспомнилось Луку исследование, над результатами которого одобрительно гоготала другая редакция, почти в полном составе, во время чтения вслух, но там вообще денег не заплатили, а выводы уже давали от себя, в репортажах и так... Через неделю-другую Луковский инсайт превратился в апокриф, который, оказывается давным-давно всем изве-

стен, еще пять-десять-пятнадцать лет назад, в зависимости от наглости вспоминателей. Это была отличная, остроумная догадка, многими присвоенная и никем не опровергнутая... «... потому что мне нравится совершать бесполезные открытия, и, кажется, я сегодня сделал одно прелюбопытнейшее, а именно – раскрыл тайну распальцовки.

Все вы помните истории, анекдоты и фильмы про новых русских, где они ходят с распотыренными „козами“, в двери пройти из-за этого не могут...

Вот, а откуда эта мода пошла? Из-за рубежа, равно как и пальцы в колечко – „о`кей“, и большой палец оттопыренный над кулаком – „ништяк“ и средний отогнутый вверх палец – матерный посыл.

Из Штатов, в чем я убедился, посмотрев голливудщину, а кроме того, отличный сериал „Клан Сопрано“, плюс неплохой фильм „Бронксская история“, с Гандолфини и, соответственно, Палминтери в главных ролях. Там, в событиях начала шестидесятых, конца девяностых, бронкские и нью-аркские гангстеры в междусобойных беседах постоянно размахивают классическими „козами“... **НО ЭТО ЕЩЕ НЕ ОТКРЫТИЕ**, коллеги борзописцы, а лишь подход к нему, ибо резонно задать вопрос: они-то, западные, с какой целью держали свои фингеры подобным образом? Так вот, я присмотрелся и сделал заявку на открытие: они держат кисти рук так, чтобы – не дай бог! – „братанам“ не показать в беседе средний палец! Именно!

Взгляните, и узреете: они поджимают в кулак средний палец, а безымянный сам „наклоняется“ и в распотырке остаются только мизинец, указательный и большой пальцы – все безобидные, неоскорбительные.

А наши черноземные „новорусы“, известные любители подражать шикарнейшей киношной жизни заокеанских брателлино – бездумно переняли три пальца враспотырку, просто как моду на красные пиджаки...»

Носки следует снести в ванную, в специальный противообонятельный полиэтиленовый мешок... наполовину полон мешочек-то, и все равно уже ароматен, стирать пора... И чайку с лавашом! Может, кофе? Нет, кофе под лаваш невкусен. И лаваш под кофе тоже отнюдь не лакомство. Сидел бы Валерка Меншиков в гостях – тогда бы, конечно, тяпнули бы заварного, как положено – и лаваша не надо, за хорошим-то разговором... Кстати говоря, у Валерки можно было бы попытаться выяснить... так... в одно касание... насчет... реалий... «Калошный цех» и «калошники» – это семантически очень близко... И, по всей видимости, не только семантически. Впрочем, чихать ему на все эти страсти по Бонду и Берии... Можно было бы одеться и сгонять в ближайшую лавчонку, взять клок протеина, типа недорогой курятины, грудку, например... Лук втянул живот поглубже и заглянул в пыльное зеркало, стоящее прямо на батарее отопления, над кроватью: какой кошмар! Вот, говорят, что глупость, как и любая нечистая сила, в зеркале не отражается. Еще как отражается! Жирнобокая такая! Не лаваш, а поллаваша! И то много будет. И никаких «одеться и сгонять»! Лучше присесть к компу и прошерстить написанное утром... Что там почта? – Пусто.

– Алё?... Да, я. А-а, Витя, здорово. Чего?... Да... конечно, «лоткую» помалу... Что? Не-е, какие, на хрен, серии, какие сиквелы-приквелы-фанфики?! Ты же знаешь: аннотацию, там, сотворить, статью проверить – еще так-сяк, а это – нет, я же только свое пишу. А что за серия, о чем там?... У-у, точно не подхожу. Угу, тогда успехов! Нет, даже не в курсе, ну, Генке попробуй позвонить, он заказы любит... Взаимно, пока!

Поденщикам, или, как их еще называют в книжном бизнесе, «лоткам», хорошо: им заказали фэнтези про изнасилованного эльфа-сироту, либо попросили настроячить мелодраму про онкологически подозрительного принца на белом коне – (У тебя есть что-нибудь в игровую серию «Шуттер»? Или еще что-нибудь такое трендовое?... Да, все еще тренд, так что возьмем, если есть. А вот славянские ниндзя уже не в теме, смело в корзину швыряй и даже не перелицовывай! Сейчас «богатые плачут» – снова в самом что ни на есть топе!) – лотки

исполняют заказ строго по теме и очень шустро: месяц – роман, еще месяц – еще роман, и, взамен, нескончаемый золотой ливень из медяков и сребреников... К черту, это чужое. У настоящего художника, созидателя, чье творчество не связано тупыми рамками ширпотреба, заказухи и безвкусицы, деньги всегда стоят на втором плане. На первом – их отсутствие. Нет, сегодня на первом – Париж! Обязательно в Версаль, там он обойдет по периметру весь канал... или пруд, как он там называется... в общем, водное пространство, в полях за дворцом, где простой турист редко бродит. Не забыть забраться на небоскреб «Монпарнас», куда в прошлый раз не успел. И ту чертову забегаловку в Латинском квартале непременно отыскать, ибо нигде больше такого лукового супа не готовят! Ах, если бы название вспомнить!.. А потом уже, счастливым и свежим, вернуться в город Питер, гораздо более обыденный, нежели город Париж, но ничуть не менее любимый, и продолжить неравную битву с драконом о четырех головах, имя которым Вечность, Безвестность, Бедность и Лень! К лавашу можно будет сварить луковицу, она почти без калорий. Комфортнее всего гению живется в памяти благодарных потомков.

Глава «Близнецы»

Радоваться лету и солнышку у нас, в Петербурге, все равно, что пить воду китайскими палочками. Кажется, что вот только подкрались белые ночи – а уже июль три недели как закончился, впереди осенняя слякоть, потом зимняя слякоть, потом весенняя... Впрочем, на природе, на своем садово-огородном участке, в любую пору хорошо, были бы свет, вода и отопление. И надежный транспорт до города.

Пассажиров в пятничной августовской электричке битком, при этом все окна закупорены по-зимнему, наглухо, наверное, для того, чтобы людям проще страдалось. А электричка опаздывает против расписания, больше стоит, чем идет... Спрашивается, чего она стоит??? Ну, объясните людям по громкоговорителю причину! В каждый вагон ведь проведена селекторная связь!.. Нет, молчат. И вот, некий отставной пассионарий – сразу видно, что из убежденных дачников, – не выдержал, заругался длинно, по-флотски, да как хрястнет черенком лопаты в окно! – Двойные окна и раскрылись неровною дырой, почти всеми осколками наружу. Народ, конечно, загалдел, завозмушался, особенно те, кого куски стекла, упавшие внутрь вагона, могли задеть и едва не заделали, но, по счастливой случайности, все остались невредимы, никто не пострадал ни телом, ни духом, зато через пробоину щедро пахло свежим воздухом, летним, трепетным, ароматным, аж сквозь весь вагон живительный ветерок прошел. Да еще и поезд набрал, наконец, скорость, нагоняя отставание, подбавил вентиляции.

Если бы это случилось зимой, или в дождь, того мужика-освободителя вполне могли выкинуть на рельсы, вслед за выбитым стеклом, однако стоял август, не просто теплый, но дивный жаркий, на удивление мягкий, с неумолимыми, почти всегда ночными, дождями, с чистым дневным небом. Грибов завались, ягоды уродились все – лесные, луговые, садовые, июльские, августовские... В огородах под грядками корнеплодов столько скопилось-затаилось, что складывать будет некуда... А тут еще и яблоки зрели, угрожая невиданным урожаем варенья, джемов и сидровой самогонки... Какой день, ах, какой день, даже обидно такой в дороге-то проводить! Поезд три часа идет – и все ни единого облачка до самого горизонта. Короче говоря, пассажиры хватили кислорода вдоволь, задышали ровно и постепенно угомонились, утихли: кого в сон потянуло, кто в чтение погрузился, кто в плеер, кто в телефонные игры. Покопаться в рюкзаках да в сумках – и «неты» с «ноутами» бы нашлись, но тесно в вагоне для них, даже без мышек – не пристроить толком. Те, кому выпало сидеть у разбитого окна, некоторое время развлекали себя тем, что расшатывали и удаляли из прорезиненных оконных десен оставшиеся куски стекла, немедленно выбрасывая их наружу, прямо на железнодорожное полотно; действовать приходилось аккуратно, ибо кривые и острые стеклянные осколки только того и ждали, чтобы воткнуться в неосторожные пальцы и ладони, порезать, располосовать... Но сего развлечения хватило хирургам-любителям едва ли на два недлинных перегона между станциями, а потом, когда опасный оконный мусор иссяк, успокоились и они.

Мишке радостно возвращаться домой, как бы на вторые каникулы, тем более, что родные пенаты пленят его ненадолго – через десять дней лето заканчивается... А там снова лицей-интернат для юных одаренных физматов, собранных на учебу со всей России. Выпускники прежних лет именуют сие высокоученое заведение альма-матер, в знак уважения и любви, учащиеся питомцы в общем и целом тоже его любят, но зовут несколько иначе: «Тюрьма народов», причем, для них нет в этом «зловещем» прозвище ничего трагического и страдательного, ибо еще с советских времен повелось так его величать. Почему именно тюрьма народов? – а никто уже и не помнит. Аббревиатура официального названия лицея: РМФЛ (Российский межрегиональный физико-математический лицей им. Магниц-

кого, а раньше был Российский центральный – РЦЛФ), учиться в нем почетно и довольно интересно. Предки гордятся на весь поселок таким гениальным сыном, еще бы!

Мишка специально не писал им и не звонил последние три недели, а они, кстати, тоже с конца июля примолкли, что странно и зело удивительно для родителей. Неужели обиделись на Мишку за его невнимательность? Ничего, не беда, у него превосходных отговорок полно, убедительных, как закон всемирного тяготения, плюс подарки всем понапокупал, на летние заработанные: и отцу, и матери, и матери отца – бабке Люсе, что с ними живет, и сестренке Надьке, и даже кошке Дашке пакетик сухого корма. От нечего делать, Мишка начинает вникать в содержание купленного в уценке покотбука – редкостная скукотень... Но выбросить пожадничал... Где-то в рюкзаке анекдоты были...

Дни все еще длинные, сумерки по-летнему тягучие, только нынешним вечером и думать нечего к друзьям нагряться... дабы оттянуться с ребятами по-взрослому... – нет и еще раз нет: сегодня тихий вечер в трезвом семейном кругу, сегодня предстоят подробные, однако, тщательно процеженные через сито разума, рассказы об интернатовском житье-бытье, а его, Мишки, главная почетная обязанность – поедать, не прерывая болтовни, домашние деликатесы, жевать и чавкать, на радость умиляющимся родичам. И опять рассказывать с набитым ртом об успехах в учебе, о граде Питере, о друзьях – ну, в общем, обо всем том и именно так, как предки хотят услышать. В принципе, на один раз – тоже неплохое времяпрепровождение, а ребята никуда не денутся, подождут до следующего вечера. Даже и не подождут, а просто услышат его и увидят, и обрадуются де-факто, потому как заранее никто не осведомлен о точной дате его приезда. Просто знают, что нагрянёт на несколько дней перед учебным годом.

Мишка расслабился и задремал, по примеру молчаливого пассажирского большинства, а когда открыл глаза – выяснилось, что уже приехали, и это он не сам проснулся, а проводница за плечо его трясла.

– Все, сынок, приехали! Или обратно собрался?

– Нет, спасибо. – Мишка зевнул раз, другой, выныривая из сладкой дремы – косточки затрещали от потягушек...

– Дома будешь потягиваться, давай-давай отсюда, рюкзак не забудь.

– Даю-даю. До свидания. Спасибо что разбудили.

– На здоровье, миленький.

Когда-то Мишка очень переживал, что дома разношерстной немецко-сталинско-хрущевской постройки – тот, где жила его, Мишкина, семья и несколько соседских, – стоят как бы на отшибе от остального поселка. Из-за своей отдаленности они все напрочь лишены ремонта и ласки со стороны поселковых властей, и поэтому беспрепятственно ветшают. До клуба далеко, до школы тоже путь не близок казался, особенно в младших классах, фонарей-то почти нет, по вечерам одному страшно было возвращаться... Ну, это еще когда он совсем уж маленький был. Ой, что-то и сейчас жуть прокралась неожиданно, со спины, аж мурашки по позвоночнику, и теплый августовский вечер не стал помехой этому внезапному страху с ознобом. А ведь еще не темно, только-только сумерки сгущаться начали. Дорога от станции к поселку не асфальтированная, простая «убитая» гравийка, вся в глубоких колдобинах, – наверное, поэтому автомобили здесь перестали ездить, путь спрямлять, в обход через федеральную трассу идут. По крайней мере, за все время недлинного путешествия ни одной машины не проехало, ни в ту, ни в другую сторону, ни грузовых, ни каких иных... И прохожих нет, но зато увязались за Мишкой бездомные псы, целая стая, морд в шесть... Не такие уж и большие собаки, да все равно неприятно. Мишка никаких собак не боится, ни бродячих, ни питбулей, ни овчарок, но эти какие-то... жутковатые!.. Следуют за ним молча, даже не перегавкиваясь, к Мишке близко не подбегают, но и не отстают, держатся метрах в десяти. Не рычат, не воют, не визжат... лучше бы лаяли, честно говоря. Мишка идет, стара-

ясь не ускорять шаг, а сам с трудом удерживается, чтобы поминутно не озираться, не оглядываться за спину, покрытую гусиным ознобом – посмотрел разок и попал взглядом на взгляд вожака собачьей стаи: черный пес, без пятен, глаза тусклые, но красноватым светятся, точь-в-точь, как бывает на дешевых фотографиях, когда отблеск от фотовспышки... Мишка нашел в себе мужество развернуться.

– Ну, чего надо? Еды у меня никакой нет, из дома сегодня тоже не вынесу, не надейтесь... разве что завтра придете... А ну!.. – Мишка сделал шаг, другой, рассчитывая, что собаки, услышав громкий человеческий голос и решительные жесты, разбегутся, пусть даже с раздраженным лаем, на худой конец просто отбегут, отступят... Но нет: молча стоят на месте, молча смотрят на него. Мишка добавочно струхнул от этого тихого спокойствия собачьей стаи – и тут же устыдился собственной трусости. И тут же понял: хоть ты на части его режь – ни одного шага дальше, туда, к этой стае, он сделать не в состоянии. Сейчас он спокойно развернется и дальше пойдет. Нет, надо покурить, пока время есть, пока до дому далеко. Теперь до самого возвращения в Питер о сигаретах придется забыть: предки, если пронюхают, такой плющильный расколбас устроят, такой скандал ему закатят, что мало не покажется! Вот такие уж у него дома строгости, даром что папаня сам с детства курящий. А с другой стороны – если подыметь сейчас – запах изо рта уже выветриться не успеет... Но в пачке болталась последняя сигарета и Мишке показалось жалко ее выбрасывать. Вдобавок, собаки... увидят, что он при огне, животные инстинктивно избегают огня. Да чего там бояться каких-то жучек-дворняжек – не накидываются ведь, за штаны не прихватывают? Значит, курим.

Пришлось прикурить да высмолить одинокую сигарету. Невкусную, зря здоровье трагил. Пачку в кусты, спички... тоже лучше выбросить, окурок все равно куда, жвачку в зубы, сразу две мятных подушечки – авось успеет прочистить дыхание... Надо же: никто из сопровождающей собачьей стаи не отвлекся, чтобы хотя бы обнюхать, ни на сигаретную пачку, ни на окурок со спичками, – Мишка специально пронаблюдал! Нет, не страшно все это... не очень страшно... однако неприятно и... странно. Мишка сорвал на ходу граненый стебелек какого-то полужнакомого растения – полынь, что ли? – растер в пальцах обеих рук, чтобы совсем уже избавиться от табачного духа... Вроде бы малость отлегло от сердца. И дворняги приотстали, ой, наконец-то!

Долго ли, коротко ли – вот он, дом родной, прощай свободная стая, доброй охоты в других краях. Теперь жвачку выплюнуть и дополнительно продышаться! Ах, хороший аромат у полыни, освежающий!

– Уже легче! – сказал вслух Мишка и тут же поймал себя на вранье: ничего не легче, потому что ощущение тревоги, ослабнув на миг после исчезновения собачьей стаи, не только не исчезло, но даже словно бы сгустилось... Ладно, ерунда, догадаются что курил – все равно долго бранить не будут, простят ради долгожданной встречи!

Ну, надо же, какое диво дивное: бабка Люся, такая чутыстая на вино и табак (невестке, Мишкиной маме, постоянно закладывает насчет запаха Мишкиного папу, собственного сыночка, любименького, но – склонного к загулам и бытовому пьянству), а на этот раз ничего не заметила! Только засмеялась хрипло, как закашлялась, да прижала больно, когда обнимала. Старая, а ведь сильная, даром что вся словно плесенью пропиталась! Мишка наморщил нос от запаха странной какой-то гнили, кухонной, что ли?.. – аж голова кругом пошла, словно от морской болезни, – но ничего такого не сказал, потерпеть нетрудно, да и недолго обниматься. Старая стала, жалко ее.

Что за чума!? – Вроде бы не пил ничего «градусного», и недосыпа в нем нет, и уставать было вроде как не с чего, а все вокруг какое-то не такое, словно сквозь туман... Например, еще в электричке, всю вторую половину пути жрать хотел изо всех сил, даже сквозь сон хотелось домашнего супу, но вот он дома, а что ел на ужин, чем предки угощали – не помнит.

Вроде ел, а вроде и как-то так... То ли вкусное, то ли не очень – ни на тарелке, ни в животе, ни в памяти ничего не осело. Столько готовился рассказывать предкам, даже репетировал, чтобы не перепутать – о чем можно говорить, а о чем нет – и вот на тебе! Будто бы весь вечер болтал о чем-то, весь вечер слушали его – все словно сквозняком из башки выдуло... Все как через сонную одурь. Перегрелся, не иначе, хотя с чего бы? Душно было в электричке, но это только поначалу... Может, это ему от выкуренной наспех сигареты в голову так ударило, что даже память и аппетит отшибло? Если бы в сигарету что-то такое было подмешано... – но нет, ничего «такого» там не было, он знает: он бы тогда после «шмали» наоборот ел бы в три горла, и наестся бы не мог. Может, недосыпы трех последних дней накопились? Да, правильно говорят: «старость – не радость», шестнадцать лет – не шутки, силы уже не те, пора бросать курение и ночные посиделки. Вот, елки-зеленые, приехал, называется... Спросить их, что ли – почему не звонили ему столько времени? От Надьки вообще ни одной смски... Ладно, утро вечера мудренее. Мишка лежал, подогнув ноги, ворочался в «гостиной», на коротком «гостевом» диванчике, из которого вырос еще в позапрошлом году. Он теперь всегда на нем спит, когда из интерната на побывку приезжает. Родители у себя в спальне давно, небось, дрыхнут, только почему-то без храпа. И бабка на диво приутихла... Сколько себя помнил Мишка – бабка всегда, до самой ночи шныряет по дому, шуршит, подметает, посудой гремит, ворчит, бормочет... А сегодня смиренная... Увы, старая, по-настоящему старая стала бабка Люся.

А Мишке не спалось, и холодок под сердцем, что возник на пути от станции к дому, все не таял, не хотел таять, напротив: то и дело переходил в мелкий противный озноб. Самое главное – не думать о смерти, о том, что все люди смертны... Мишка знал: стоит лишь поддаться и начать размышления на эту тему – такая жуть прохватит, до самого утра не отпустит, хоть кричи... Надо было что-то срочно предпринимать, чтобы отвлечься от грустного, кроме того и в туалет захотелось Мишке по малому делу; он взял со стула недочитанный сборник анекдотов «Петька и Василий Иванович», специально захваченный на дорогу для нейтрализации ненужных мыслей и чего-нибудь нудного, типа ожидания в очередях, и, стараясь не шуметь, пошел сквозь проходную бабкину комнату в туалет. Совмещенный с ванной санузел налево, а направо – крохотная отдельная «светелка», иначе говоря – чуланчик без окон, бывшая Мишкина резиденция. Теперь ее Надька захватила по праву наследования, совершенно законным образом. Свет в туалете включается изнутри, Мишка «на автомате» нашарил и включил, с детства каждое движение отработано, прежние навыки так просто не сдаются... Ух, на свету, все-таки, немного легче, нежели во тьме. Да, мрачнюк, а не санузел, у них в интернате и то как-то веселее... И раковина, и ванна с унитазом не такие зловещие...

Лампочка тусклая, ватт на сорок, но у Мишки хорошее зрение, сойдет и так. Он заперся на щеколду, справил малую нужду, спустил воду – почему-то очень ржавую, аж коричневую, словно она сгнила там, в бачке, – уселся на унитазную крышку и стал читать. Точнее сказать, Мишка попытался погрузиться в чтение, но анекдоты сплошь попадались тупые, абсолютно неинтересные и какие-то такие... не родные, не живые, тревожные... зловещие. Одна муть. Издалека, из комнаты послышался медленный бой часов. Двенадцать раз, всего только полночь наступила. А он-то думал, что до утра рукой подать... Ой, как неохота возвращаться в темноту, в кровать, да и сна ни в одном глазу. Мишка поймал себя на мысли, что – да: жутковато ему выходить во тьму, пусть даже из под тусклого света... Здесь он, по крайней мере, один... хотя, по идее, от иррациональных страхов наоборот бы поближе к родным держаться... Дрянный сборничек, неумный и отстойный, какой-то утомительный. Надо же, а когда в вагоне листал – нормально катило, даже смешные попадались... Листаем дальше. А это что за...

«..выводок молочных поросят суетится в идеально чистом вольере, возле вымытой и благоухающей мамы-свинки, а служитель красивым сачком из тонкого прозрачного шелка отлавливает выбранного посетителями поросенка и несет к повару, под нож...

Но не волнуйтесь, господа, ничего худого не случится с этим нежным бело-розовым малышом, взгляните: „за кулисами“, на кухне, его уже подменили на худопородного, из фермерского хозяйства Ленобласти, а якобы жертву незаметно выпускают обратно к маме, к братьям и сестрам, к белому дню – есть, играть, верещать, радоваться жизни! И зарежут его только поздним вечером для дорогих гостей, настоящих ВИПов!..»

– Уй, блин!.. Что за бред! На фига я взялся эту гадость читать!..

От двери пахло вдруг сыростью, холодной-прехолодной, чуть ли ни морозной... Мишка прислушался и вздрогнул. Нет, наружная дверь в дом закрыта, неоткуда сквозняку взяться. Книжица мелко затрепетала в Мишкиных руках – это пустяки, это всего лишь от нервов, потому что ничего такого не случилось, просто в дверь поскреблись...

– Мишаня, открой-ка на секунду, мне взять кое-что надо.

Голос у папаши странный, хриплый, как с перепою, медленный и глухой. Но был без кашля весь вечер, что не часто... Вообще ни разу не кашлянул – вот это действительно странно!..

– Сейчас, пап, я скоро.

– Открой задвижку, мне сию секунду надо.

– Но я же занят, пап, не просто так сижу!

– Просто так сидишь, книжку читаешь, а мне надо. Ладно, открой дверь и передай полотенце. Белое, висит.

Да, на крючке висело полотенце, не то чтобы совсем уж белое, но если постирать... Зачем батяне туалетное полотенце посреди ночи?.. На кухне в умывальне ведь своих тряпок полно?..

Мишка придумал так: он оттянет щеколду, но дверь лишь приоткроет и высунет руку с полотенцем, ух, неохота ему, чтобы папаня заходил. Другое дело, если бы ему в туалет было нужно, тогда бы деваться некуда... Мишка одной рукой шарил по двери, ища пальцами щеколду, а другой потянулся снимать полотенце с крючка... Взгляд его зацепился за квадратное оконце между санузлом и кухней а в нем... Жиденькая челка – а это все, что после позавчерашнего «сострига» сохранилось у Мишки на голове – вздыбилась и стала торчком, Мишке и зеркала не понадобилось, чтобы почувать это, конечности враз стали ватными, он так и рухнул обратно на стульчак – пластмассовая крышка хрустнула, а руки бессильно повисли... Ой-йё-о-о!.. В стене под потолком, между кухней и санузлом, неведомо для какой прихоти, древние строители предусмотрели оконце, так вот именно в этом туалетном оконце виднелась бабкина голова... и смотрела прямо на Мишку. И это бы ничего, бабка стара и вполне могла впасть в маразм, полезла, типа, проверить – не курит ли он. Но голова ее торчала не снизу оконного проема, как это и положено всем земным ногоходам, а сбоку, словно бы бабка лежала на стене параллельно полу, на высоте выше двух метров. А глаза у нее... неправильные... а зубы... А-а-а-а!.. М-м-маа...

– Что же ты, уродец. Открывай скорее.

– Я... я... – Никогда в жизни отец не называл Мишку так грубо, ни пьяный, ни тем более трезвый. «Я не уродец» – пытался вымолвить Мишка, но слова примерзли к зубам.

– Скорее открывай, сынок, мне в туалет надо. – Это уже мать подошла, ее голос. Но и у матери он странный... голос... Неживой.

Мишка все понял. И вспомнил! Память словно оправилась от наваждения, ожила, проснулась, отмоталась обратно, к моменту встречи... И раньше. Главное – от Надьки не было ни звука, ни смс, ни на «мыло»... И сегодня... Очень, очень, очень уж... странным получился сегодняшний вечер в кругу семьи, где все было мертво и тускло, без света, без

телевизора, без смеха и шуток... И без еды, без ужина. Даже воду в самоваре не кипятили!.. И сам он был как зомби среди них, среди... И кошки Дашки нигде не было, а он даже забыл про нее узнать... И сестренка Надька ни о чем ни разу его не спросила, только сидела на диване как истукан, руки на коленях, да на часы глядела не отрываясь. Мишка читал кое-что в своей жизни... Сейчас в каждом втором покетбуке вампиры... а фильмов – без счета видел он в кино оживших мертвецов и ночных пожирателей человеческой плоти... Теперь вот – сам в сказку попал. Только не такую как в «Сумерках».

Открывать нельзя, они войдут и нападут на него и сожрут. Или выпьют кровь, и он станет как они все. Червивым, холодным и вонючим.

– Я... Не открою вам. Вы нежить. Прочь. Чур вас!.. Меня, то есть, чур... меня... от вас...

За дверью взвыли, уже не сдерживаясь, дверная ручка задергалась вверх-вниз... Щеколда слабая – были бы людьми, сорвали бы в одну секунду, даже Надька бы сумела... и не раз такое бывало... А сейчас не могут, ни дверь сорвать, ни стекло в оконце выбить. Нет, в принципе могут, просто им почему-то гораздо труднее стало это делать... Вот если бы он сам их позвал – чугунную стену бы разнесли, он читал, он знает... Чем, интересно, они скрежещут по двери – ножами, ножницами? А бабка? Бабка царапала стекло страшными когтистыми пальцами... А рядом с бабкиной головой – поменьше, Надькина, тоже темная, аж синяя!.. Мишка затрясся и беззвучно, одной гортанью, загудел, словно мобильная трубка по твердой поверхности, с включенным вибровывозом, он хотел верить, что все происходящее – лишь сон, однако почему-то побоялся немедленно поверить в это и расслабиться, чтобы уже с интересом и сладкой киношной жутью досматривать этой сон-ужастик, понимая, что на самом-то деле он лежит в теплой постели, укрытый одеялом, в полной безопасности... Нет! Это точно не сон, щипай не щипай, прикусывай губу не прикусывай! Мишка проверил, на всякий случай: все буквы на книге видны, никаких несообразностей... абсурда, с точки зрения формальной логики, нестыковок – нет. Запахи, цвета – все натуральное. Перемычки, где явь могла перелиться в сновидение – нет! Разве что в электричке заснул... Точно!.. Нет, ни фига: они раньше замолчали, за две недели до этой электрички дурацкой! Нет, он не сумасшедший, это сон с явью можно перепутать, а явь со сном – ни за что! Здесь – явь! Так страшно Мишке не было никогда в жизни, даже перед парашютным прыжком. Но усиливающийся ужас, как ни странно, помог перебороть немоту:

– Вы не войдете, ведь я вас не приглашал! Я знаю порядки. Прочь!

Родственники за дверью и не подумали подчиниться отчаянным Мишкиным заклинаниям, либо растаять вместе со сновидением: бабка упорно царапала и царапала стекло и бороздки прямо на глазах становились все более заметными. Дверь они тоже прогрызут или проскребут, даже если не в силах сломать ее или сорвать, или иным каким способом преодолеть запреты, мешающие нечисти безнаказанно проникать к людям и нападать на них.

Сколько помнил себя Мишка, на стене, на белой кафельной плитке, напротив унитаза, приклеена была переводная картинка: козлоногий сатир – густая шерсть вместо штанов – с кифарой в косматых руках. Вон она, до каждой мушиной точки знакомая, какой уж тут сон, все четко: звуки, запахи, цвет, ужас... И вдруг пошевелился сатир, смотрит на Мишку, подмигивает, но ухмылку спрятал: вытянул пухлые коричневые губы и шепчет:

– Мишка, плохо дело твое, выпьют они тебя, поедом съедят, а косточки в подполе спрячут. Да, Мишка, пропадешь, будешь меж ними и вместе с ними нежитью бродить, от собственных останков далеко не отходя. Не полынь бы на пальцах твоих – уже бы съели, а так им пришлось дожидаться подкрепления нечистых сил от злой полуночи.

А Мишка уже и удивлениям неподвластен, подумаешь – ожившая анимация, он уже и похлеще насмотрелся чудес за последние пять минут, только, вот, зубы стучат и стучат:

– И... и что... делать что... мне? – Мишка сквозь ужас все-таки родил вопрос и успел подумать, что поступил правильно: даже если он оказался в таком сверхсупернатуральном, но сновидении – лучше перестраховаться и как-то там действовать, защищаться, пусть даже просто спрашивая совета!..

– Береги надень, если есть.

– К-ка-акие береги? – Мишка цапнул рукой, по груди у горла... Крестик в рюкзаке оставил, вот балда...

– А лучше – сюда сматывайся, к нам, здесь жить можно. А эти – сожрут, точно говорю.

– К-куда сматываться?

– В наш мир, Кудыкины горы. Здесь тоже все неспроста, и здесь жути навалом, но я-то жив, а я вон сколько дышу, землю топчу! Ого-го сколько! Лет двадцать по-вашему счету! Лезь, давай!..

И руку протягивает!

А рука у сатира – оно, конечно, и рука, не лапа, но волосатая! Пальцы, ладонь – все в черной шерсти. И когти будьте нате! Толстенные, грязные. Но живые, телесные. Тоже – если вдуматься в увиденное – страшный чувак, однако, смотреть на него можно без озноба. И глаза не людоедские. Что же делать-то?..

Вдруг сквозь дверь в ванной, в щель, осыпав замазку, палец пролез, а на пальце коготь, да не чета, не ровня тому, что у сатира: длинный, острый, жуткий, мертвый... О... о... отцовский, что ли?.. А по другую сторону обзора ладонь у сатира вихляется, сама в себя шлепает теплыми кургузыми пальцами: «торопись, же, Мишка, спасайся, дурень...»

– Ленюк, открой. Давай, давай, читатель! Быстро, Лён! Мне в туалет надо! – У Леньки чуть сердце не лопнуло от чужого шипения, книжка шшо-к – и выпала из неживых рук, спрятавшись наполовину под стиральную машину! Книжке-то хорошо, она плоская, узкая!.. Смотрит Ленька на дверь – нет никаких когтей, и вообще это Машка, его сестра. Но вдруг она тоже вампир?..

– Прочь, нежить! Я никого не звал! Ты не войдешь!

А Маня уже с шепота сорвалась, в голос ярится:

– Я сейчас предков разбужу, понял, идиот? Открывай, мне надо, уже час там сидишь!

Ну, Ленька и открыл – куда денешься. Вот так всегда: на самом интересном месте прерывают. Теперь только завтра, после уроков можно будет продолжить.

– Что за книжка, интересная хоть?

– Только начал. Фэнтези, с вампирами, с сатирами... Стая собак.

– И не надоело тебе?

– Нисколько.

– Все равно марш спать. Уроки сделал?

– Ой, ой, командирша на мою голову. Нашла время и место спрашивать! Не сделал и тебе не советую.

Маня – Маша, сестра Ленькина, да не просто сестра, близнец-двойняшка, мама их вместе родила. Законы генетики отвергают, категорически отрицают возможность появления на свет разнополых близнецов. Однополых – сколько угодно, троих, четверых, пятерых... – хоть мальчиков, хоть девочек, а если разнополые – только двойняшки, даже если ними есть сильное портретное сходство. Лён и Маша похожи друг на друга больше, чем на старшего брата, или на папу, или на маму, и на этом основании привыкли считать себя именно близнецами. Как уперлись с самого раннего детства, так они и по сию пору – всё близнецы, да близнецы, вопреки науке! С ними и спорить перестали. Но Ленька появился на свет на двадцать минут раньше, то есть, он абсолютно законно Машке старшим братом приходится, почти как Тимка, а она все лидером перед ним кидается! Нет, дорогая сестрица Машенька: главный маршал в нашей детской диаспоре, конечно же, Тимка, Тимофей Валерьевич, ему

скоро восемнадцать, следом идет он, Леонид Валерьевич, а потом уже ты, Машка, там, у подножья толпишься, массовой, личным составом...

Но Машка – ох, въедливая и никакой покорности перед Лёном не проявляет, хотя и самая близкая, самая понятная для него, самая похожая!..

– Ну, все, Лён, ну, проваливай. Погоди... это новый Лук, да? Лён, оставь посмотреть.

– Ага, сразу посмотреть!..

– Да тише ты, будильник, всех перебудишь!

Лён внял Машкиному раздраженному шипению и тоже вернулся к шёпоту:

– Ладно, уж, на, только, чур, с собой не забирай, чтобы я утром ее не искал.

– Я ее вот сюда, на полочке лежать будет.

– А Тимка если прихватит?

– Дурной, что ли? Еще на папу скажи! Нашему Тимке приплачивать надо, чтобы он сказку в руки взял, не говоря уже о том, чтобы прочитал.

– Хорошо, спокнайт.

– И тебе глюкнайт, добрый деревянный человечек.

– Сама Буратино!

Ленька лежит – руки за голову – не спится Леньке.

Четырнадцать лет – нешуточный возраст. А до него всего четыре месяца. Правильно этот... Мишка из книжки... говорит: главное – не думать, на ночь глядя, о смерти, о бренности бытия! А как о ней не думать, когда завтра контрольная по английскому? Это почти верняковая «пара», либо «тройка», с обязательными родительскими, особенно мамиными, пропе-сочиваниями. Опять возьмутся шантажировать собственного ребенка доступом к высоким технологиям. И Катя, жестокая кокетка, в его сторону не смотрит, с Васькой часами болтает, и «полтарь» он где-то потерял, все свое состояние – пятьдесят рублей... Вот, как после всего этого спокойно жить на свете? С Васькой она теплые беседы ведет, прямо воркует, не с ним, а с Васькой, которого он восьмой год считает лучшим другом! Если ты друг, а не портянка, так вникни и отойди! Да, если надо – то и пожертвуй собой, своими чувствами, в конце концов... Лён задумался нерешительно: может быть, это ему следует пожертвовать своими чувствами ради друга Васьки? Еще чего! Он первый на Катю внимание обратил, в начале седьмого класса, и Ваське доверился. Девятого сентября, после уроков, он в себе обнаружил вспыхнувшую любовь к Кате, понял, что запал навеки, и немедленно другу признался, вон, даже дату запомнил. А этот... Но Васька утверждает, что ни в кого пока особо сильно не влюблен... С чего бы ему врать? Другу? Эх, если бы у него был компьютер и «волокно», то есть – скоростное подключение к Интернету... Из всего класса, он, наверное, последний, у кого дома нет Сети! Все за это над ним прикалываются. Вот с Сетью гораздо проще было бы находить возможности и темы для внешкольного общения с Катей, которую почему-то не устраивает, чтобы ее так звали, ей больше нравится Рина. В этом смысле все женщины одинаковы: звали бы Риной – немедленно захотелось бы в Кати. Маму зовут Марина – и тоже предпочитает быть Риной. А по Лёну – Катя, Екатерина, гораздо красивее звучит, нежнее. Лён разведал, что ее сетевой никнейм, самопрозвище – Тигренок. Эх!.. Или хотя бы даже древнее сиволапое модемное, да хоть на сорок килобит... Вполне хватит, чтобы чатиться... И тогда бы они друг другу признались... Ну, он первый, как это и положено мужчине... А вдруг ей Васька больше нравится... вдобавок, безответно?.. Нет, только не это! В Интернете многое проще, если речь идет об отношениях и признаниях: красней, не красней, трусь не трусь – никто не увидит. Всегда все можно в шутку обернуть... Наведут чатовый мостик между сердцами и дело пойдет, в онлайфе и в оффлайне. А там и волокно подоспее, предки реально обещали. Безлимитка, двадцать пять мегабит, для Петроградки, с ее дряхлыми коммуникациями, и это очень даже неплохо... Если, конечно, он не лоханется и не притащит тройку в четверти... А если образуется тройка – ждать ему Сети и компа до самого Нового

Учебного Года, сиречь до сентября! И тут уж хоть назгулом кричи: родители от своего слова почти никогда не отступаются, особенно из воспитательных соображений. Тимке с Машкой хорошо, им почти по барабану Интернет и шуттеры, аськи с блогами, тем более, что Машка ежедневно у подруг чатится, они там всем змеюшником развлекаются, парням головы морочат, а ему, Лёну... Он скажет: «Рина, Тигренок... lol... Черный Викинг – это я... Угадай... lol...» Нет, тут уже смайлик с подмигом уместнее... «Как ты сразу догадалась???» Ряд смайликов. «Да, это я, Лён! Приветус! Пойдешь в воскресенье в Троицкий сад?.. Там очередной флешмоб и демонстрация за введение в русский алфавит тридцать четвертой буквы: „рыхлое г“!.. Смайлик с вытаращенными глазами... Lol... ок, Тигренок, до встречи в полдень!..»

Жаркие Ленкины мечты сменялись томительными страхами, в свою очередь уступая место ревности и надеждам, Лён и не заметил как заснул.

Да, Леонид Валерьевич Меншиков и Мария Валерьевна Меншикова – дизиготные близнецы, в силу этого генетически predetermined обстоятельства, они похожи лицами, но сходство это не столь яркое, как, например, у сестер Вырусовых из одиннадцатого А, ну и, конечно же, с поправкой на пол: к четырнадцати годам Ленка окончательно обогнал сестру в росте и силе. Обогнать-то обогнал, но воспользоваться этим счастливым обстоятельством в ежедневных конфликтах уже не мог: нехорошо и неправильно – бить девочек, даже самых вредных, даже если она в доску своя, из самых близких родственниц. А как мечталось, казалось бы, еще совсем недавно, три или четыре года назад: не больно, не всерьез, но накостылять слегка, чтобы не подсматривала, не насмешничала, чтобы родителям не жаловалась... Теперь они с Машкой живут в разных комнатах, но зато более или менее дружно. Всего их в восьмидесятидевятиметровой трехкомнатной квартире – пятеро жильцов: отец с матерью, они с Машкой и их старший брат, Тимофей, Тимка. Валерий Петрович Меншиков и Марина Леонидовна Меншикова, урожденная Рындина, захватили, на правах родителей, лучшую комнату, хотя и без балкона, оправдываясь тем, что она «не солнечная», с окнами на север... Им-то хорошо вдвоем в одной комнате, они родители; Машке еще лучше, поскольку она одна в своих одиннадцати метрах расположилась, а им с Тимкой на двоих – пятнадцать квадратных метров, два окна, балкон, на который выходить небезопасно, оба окна выходят на юг, на современное строение в духе поздней новорусской, по выражению мамы, архитектуры, с гордым именем «Цезарь», прикольный такой домишко. Родители однажды обсуждали его, сравнивая с тем, в котором живет семья Меншиковых, а Лён случайно подслушал. И теперь он в теме: их квартира угнездилась в «модерне» от Гингера и фон Вилькена, в бывшем доходном доме, выстроенном ровно столетие назад на инвестиции дремучих лесопромышленников Колобовых. Не такие уж они и дремучие, как папа возразил маме, если сумели отгрохать на свои нетрудовые столь изящный домишко. Пятнадцать просторнее одиннадцати и два в окна светлее, чем при одном, тем не менее – увы – они в этой комнате вдвоем, и Тимка старший. Вот и крутись, как хочешь. Тимке этой осенью в армию, потому что в июле ему стукнет восемнадцать, в вуз он не поступил, не захотел поступать, и «откашивать» от так называемой почетной обязанности почему-то не пожелал. Тимка вообще ничего не боится, даже армии. Если он служить уйдет, комната останется за ним одним, за Ленкой, и это здорово... конечно... Однако, в глубине души Ленка понимает, что немедленно пожертвовал бы и комнатой и пока еще не сбывшейся мечтой о компьютере, лишь бы Тимка никуда не пропадал так надолго, особенно в солдаты... Но Тимка упрям и своеволен, всегда сам решает, что ему делать и слушается только отца. Зато – по-настоящему слушается, не как хитромудрые Ленка с Машкой, которые всегда готовы обвести взрослых вокруг пальца, стоит лишь им бдительность ослабить... Да только предки почти никогда ее не теряют, даром, что тоже взрослые... С бабушкой – там да, там гораздо проще, бабушка у них доверчивая и очень добрая.

– Температура? Дай-ка лоб? Воспаление левой передней пятки у тебя, лодырь. Подъем, все уже за стол садятся.

– Все?

– Да: и папа, и Манечка, и Тим, все только тебя и ждем.

Ленька слышит, как в ванной фыркает и завывает Тимка под холодным душем, но маму бесполезно уличать в мелких неточностях... Нет, надо будет что-то такое продумать получше, чем температура, в которую зловредные взрослые так не любят верить... Скажем, потерял дар речи и не сможет полноценно работать на уроках... целую неделю. Или слух потерял. Нет, тогда к врачу потащат.

– Похоже, придется папу позвать.

– Да встаю я, встаю! Злобствуют над безответным ребенком! Ой, за что!?

Тут и Машка немедленно встряла, успела в чужой комнате без спросу нарисоваться:

– Мама, а можно я тоже его за уши дерну? Чтобы знал, что такое распорядок дня и чтобы читал книжки в положенное время в положенном месте. Туалетный читатель.

– Ах ты... ты... Ну, все, Манька... Я терпел, видят боги, терпел... – Но мать перехватила Ленькин гнев в свои теплые добрые руки, одна из которых, кстати говоря, только что отвешивала нежный, но подзатыльник, и...

– Если умоешься хорошо и быстро... Быстро и хорошо, я сказала...

– Тогда что? – Ленька наострил уши: это прозвучал особенный голос мамы, голос, который обещает... А мама никогда не обманывает.

– Тогда посмотрим. Беги же скорее, Тима уже вышел.

Ленька всегда восхищался старшим братом: и за то, что он большой, резкий и сильный, и за его бесстрашие, и за способность добровольно стоять под струями ледяной воды...

– Как вода?

– Ништяк вода. Приобщайся братишка, полезная штука! – Тимка хлопнул младшего брата мокрым полотенцем по шее, но это совсем другое дело, чем когда сестрица с подкожными подзатыльниками лезет. Да, он тоже начнет обливаться холодной водой... с завтрашнего дня... А пока и тепленькой умоется. Что же такое мама для него приготовила? Ленька попытался было угадать, а потом остановил себя: а ну как сообразит – и тогда не получится сюрприза? И стоит ли сам сюрприз того, чтобы из-за него лучшие люди вселенной голову ломали?

Сюрприз того стоил: рюкзак!

Но сначала все они позавтракали в классическом для их семьи стиле: отец молчит, весь в своих мыслях, Тимка с него пример берет, а мама и Машка стараются, щебечут за пятерых, как будто нет на свете более важных дел, чем прическа у главной героини нового сериала. Оказывается, есть еще более судьбоносные! Оказывается, федеральный питерский ТВ-канал попытался ввести в обиход закадровый плач, по типу закадрового смеха... Новатора выгнали с телевидения взащей и он теперь жалуется на произвол российских властей и спецслужб в Европейский совет по правам человека... Кошмар, Лён вынужден все это выслушивать. Да еще Машка в его сторону косится и фыркает, показывает, что уж она-то знает про сюрпризы и секреты, уж для кого для кого, а для нее – нет ничего неизвестного...

Отец на днях получил очередную премию за очередное рацпредложение, и мама тотчас пристроила ее на детские семейные нужды: Тиме пиджак, Маше косметичку, а ему, Леньке...

– Опа! Вау! Вот это в тему! Это мне, мам? Точно мне?

– Точно, точно тебе. Лёничкин будет с ним в овощной магазин за картошкой ходить, да, мамик? На рынок?

– Не выдумывай, пожалуйста. Этот рюкзак для школы. Машенция, ты, лучше чем брата дразнить, обрежь аккуратно ниточки от этикетки.

– Еще чего! Пусть сам обрезает! Руки-ноги есть, зачатки интеллекта присутствуют – вот, пусть развивает осмысленными поступками.

– Обрежь, Маша, это ведь женское дело. И мама правильно говорит: ты сегодня с утра слишком много дразнишься. Ты мне вот что лучше скажи: как у тебя со швейными курсами, крошка?

Все знают, что Маша – главная отцовская любимица, даже Ленька к этому привык, который, в свою очередь, главный мамин любимчик, но отец соизволил раскрыть рот и это неспроста: вон как Машка покраснела сразу!

– Я... Пап... я решила бросить это неблагодарное занятие.

– Бросить? С какого же числа ты собираешься его бросить, дружок? С начала будущего месяца?

Машка краснеет еще гуще.

– С прошлого вторника.

Ого. Она даже Лёну об этом не говорила. Понятно теперь, почему годфазер терзает ее подковырками: курсы-то платные, довольно дорогие, и родители деньги заслали вперед, получается, что потратились в никуда.

Машка вроде бы готова пуститься в объяснения и оправдания, но отец уткнулся в газету, а это значит, что он занят, и что он слегка сердит на Машку, поэтому отвлекать его не стоит. Чтобы он крепко сердился на своих чад, на Тимку и на них с Машкой, такого Лён за отцом не помнит, но им всем и легчайшего папиного неодобрения за глаза и за уши хватает. Не до потери сна, правда, и ненадолго, только чтобы устыдиться и совесть слегка покормить, ибо до исправления, как правило, дело не доходит. Мама куда чаще на них шумит, но мама гораздо мягче и добрее. Вот и сейчас:

– Валера, ну что ты сразу издеваться над нашим бедным крохотным зайчиком... – О! И Машка под маминими словами мгновенно перевоплощается в несчастного загнанного дрожащего зайчонка, серенького и едва живого, которому впору не уши драть, а усиленно кормить морковкой! – ...она просто стеснялась нам об этом сказать. Она исправится.

Отец только глянул поверх газеты, и мама сразу погнала всех с кухни, благо для детской ретирады имеется волнующий предлог:

– Машенция, так ты отрежешь нитки на Лёниковом рюкзаке?..

Мамины просьбы иногда очень похожи на категорические советы.

– Ладно уж. Заходи, гостем будешь. Садись, давай его сюда. Ого, классный вещмешочек, даже завидно. Вместительный. Зиппера суперские, широкие, шикарны. Через плечо ляжку никогда не перебрасывай, за шею не цепляй, это моветон даже для сумок, носи на плече.

– Да в теме я. Ты чего, неужто завидно стало, он же мужской?

– Разве что, а так бы позавидовала. Лён, ты отцу точно ничего не говорил про мои курсы?

– Фигассе! Да я сам не знал, только что услышал!

– Мам!.. Мамулечка, заходи к нам. Послушай, мамик... А как папа узнал, что я...

– А вы меня не выдадите?

– Нет, конечно!

– Ни за что!..

Мама с притворным ужасом оглядывается на дверь. Отцовские способности к «дедуктивному методу» – притча во языцех для всей семьи, и в свое время каждый из них, да не по одному разу, предпринимал попытки перенять этот метод, особое упорство Тимка проявлял, но, увы...

– Он обратил внимание на некоторые изменения в твоём поведении, а именно: ты гораздо меньше обычного треплешься по телефону с Балашовой и Кошкиной, выкройки

перестали менять местоположение на твоём столе, приветствия дому сему утратили громкость... Ну и ещё всякие попутные мелочи...

– И все? Мам, а может, он просто пошел на курсы и проверил?

– Кто? Отец???

На этот убийственный контраргумент у Машки ответа не нашлось. Зато вновь вспыхнула тема: кто в следующей серии окажется бякой, возмутителем спокойствия? Настоящим мужчинам это неинтересно. Леньке не терпелось заселить вещами новый рюкзак, и он ушел к себе в комнату. Да и в школу скоро бежать... Но минут десять у него еще есть, Машка свистнет ему в час «ч», она пунктуальная. Даже Тимка, отойдя от зеркала, изъявил желание осмотреть рюкзак – «Конечно, Тима, вот он!». Старший брат со знанием дела ощупал обновку, попробовал молнию на ноготь, похвалил и бегом на улицу: ему уже бибикали ребята. А Лён стал переключать движимое свое имущество из старой заплечной сумки в новенький черный рюкзакило. Учебники... тетради... ручки с карандашами... Плеер, само собой. А зачем плеер без наушников? Наушники сюда. Вот бы «яблочный» плеер иметь, а не китайский, гигов этак на тридцать, со всеми прошивками, как у Санька!.. И смартфон... чтобы тоже с наворотами, как у мамы!.. А это что? Это – сиреневая хрустящая бумажка – простой десятирублевый лотерейный билет, который он был вынужден взять на сдачу, потому что автобус подходил к остановке, а у киоскерши якобы не было мелочи... Какое сегодня число? Двенадцатое апреля. А когда там розыгрыш... – уже прошел. Можно будет прямо в классе, на информатике, проверить по сети... Мало ли – вдруг ноут!.. Или, хотя бы, трубка... пафосная какая-нибудь... с заплаченным вперед трафиком... да, на год вперед... класса премиум!.. Тогда у него будет две трубки: одна вот эта вот, простенькая, для связи с домом, а другая... «Рина, погоди минутку, мне нужно заглянуть в блог и почту заодно проверить... Хочешь, прикол на твиттере покажу?..»

– Ау-у!?! Лён! Я ждать не буду, я пошла!

– Всё, Мань, иду... только эти найду...

– Вон твои наушники, в новом рюкзаке, из кармашка торчат!

Коварная Машка дождалась, пока они с братом окажутся подальше от дома, войдут в здание школы, и только тогда напомнила приторно-заботливым голосом:

– Книжечку не забыл?

– У-й-ё!..

– Поздно уже возвращаться, дома считаешь, а в школе учиться надо.

Спасибо, а то без ее советов он этого не знал! Но Лён не умел долго грустить и огорчаться, он уже прикинул про себя, что и без книги на уроках не соскучится и даже нашелся с ответом:

– Ага, особенно девочкам-ботанам! А после школы – на платные курсы кройки и шитья!

– Непременно всем расскажу, как ты отбивался от вампиров туалетными заклинаниями.

– Машка-а!..

Но сестра уже стремглав мчалась прочь по коридору, к себе в класс, понимая, что лучше, все-таки, не гневить лишний раз своего старшего единоутробного дизиготного брата-близнеца, уж кто-кто, а он точнее всех в мире знает ее слабые места и при случае спуску не даст!

В свое время, восемь лет назад, родители, после долгих и жарких споров, нашли консенсус и решили отдать их в разные классы: Лён углубленно учил физику и математику, а Маша французский и латынь. Но в главном они как были, так и остались: близнецы, роднее не бывает!

Глава первая

Вечность? Пусть подождет, от нее не убудет. Перед Вечностью, перед необъятною, даже континенты, дрейфующие по мантии земной, все равно, что для города Петербурга сухие прошлогодние листья, выдуваемые колючим весенним ветром сквозь облесленную позолоту решеток Летнего сада туда, в Неву, которая к середине апреля так и не успела подготовиться к ледоходу с Ладоги, не очистилась толком; да хотя бы вон там – наискось, на противоположном берегу, за Троицким мостом, на пляже Петропавловской крепости – своего льда еще навалом, ленивого, толстого, грязного, и не растаять ему никак...

А листья – что листья? У Санкт-Петербурга достаточно иных дел и забот, гораздо отличных от того, чтобы отдельно запоминать судьбу и облик каждой липовой или дубовой соринки, улетающей безвозвратно в ту половину вечности, которую принято именовать прошлым. Для него и человек – не соринка ли?

Александр Сергеевич Пушкина, готовясь писать «Историю Петра», извлек и занес к себе в рабочую тетрадь «мимоходную» архивную запись, датированную осенью 1705 года: *«В П.Б. к Ивану Матвеевичу(?) о изведении воды к фонтанам и чтоб перебить ту речку, которая идет мимо моего двора.»*

Сей непонятный Пушкину Иван Матвеевич – не кто иной, как Иван Матвеев, он же Иван Матвеевич Угрюмов, первый владыка и распорядитель кусочка болотной петербургской почвы, ныне знаменитого на весь мир Летнего сада, сквозь грязно-бурые, – все в пыли – а когда-то любовно вызолоченные решетки которого, ныне летят наружу серые липовые, дубовые листья, опилки, огрызки, сизые углеводородные туманы смога, запыленные вскрики и скрежеты всяких-разных механизмов. Реконструкция, так это называется в официальных документах, но для историков, для горожан, да и для гостей города, сущих в разговорном русском языке, под эту старейшую питерскую традицию придумано другое, намного более поэтическое обозначение: «Седьмая молодость»!

Согласно указу Петра Великого, который и поныне имеет силу в питерских пределах, один раз в пятьдесят лет все насаждения Летнего сада, включая деревья, кустарники, клумбовые цветы и травы, напроочь удаляются из земли, с тем, чтобы насадить туда новые... Ладно цветы и травы – они коротко живут и быстро восстанавливаются, немногим медленнее подрастают кустарники, – а вот попробуй липу вырастить из малого саженца!.. Или – паче того – могучий дуб. Станный указ; иные исследователи доказывали, что непродуман он был, чуть ли не случайным образом написан чиновными людьми под пьяную диктовку Петра, а кто-то пытался рассмотреть в нем дополнительные тактические военные замыслы, нечто вроде маскировки противу коварного шведского или иного какого сикурса вражеского, но подавляющее большинство городских ученых-историков всех поколений твердо стояло на своем: если Петр Великий задумал, если он повелел, если вдова-императрица Екатерина Алексеевна подтвердила волю мужа, да еще и объяснить соизволила – так и быть должно, значит, именно так и нужно, и правильно, и нечего тут попусту дискутировать, иные объяснения искать...

Ну, точь-в-точь как дочь Петрова, развеселая государыня Елизавета Петровна, очень не любившая рассуждать и размышлять над сложностями жизни!

В бумагах Петра Великого сохранились копии якобы подлинников двух писем от Петра к Меншикову, вернее обрывков от оных, долгое время лежавших в архиве князя Волконского. Первое послание (оба писаны из Сум в середине января 1709 года):

«Мейн бесте фронт.

Паки великую имеем нужду в приезде вашем, но не так чтобы ныне, а прежде поход в Ах(тырку?) управля... (Далее следует пропуск, часть текста безвозвратно утрачена) ... а

60 древ дубовых, что для сада, шведам не достались, однакож оныя купно подсушены до смерти, так шведы зело нам докучили, земли же их мы хотя побрали и фут взяли, да голы стоят по сих... Мешкота сия зело нам в досаду. Для бога прошу, чтобы вы поспешали... (неразборчиво) понеже Кикин нам для иного дела надобен... (Далее следует пропуск, часть текста безвозвратно утрачена)

Второе письмо, написано, вероятно, чуть позднее, дата неизвестна:

... (пр)еслушникам же учини жестокий штраф и разорение, да смотрите, чтоб ручныя пилы загодя сюда прислать, да полпива доброго... (далее следует пропуск, часть текста безвозвратно утрачена) ... да берега оныя вдоль Малой речки насыпную землю поднять, чтобы вода не портя проходила, гаванец же напротив тог... (Далее следует пропуск, часть текста безвозвратно утрачена) ... И чтоб по указцу тому каждые пятьдесят лет землю сию впредь допуста обирать, да сызнава древами усаживать, дубом и еловыми, и иными, фонтанов же, и дорог, и пруда и протчего купно с древами отнюдь не разоряя, кроме как по отдельной надобности...»

Долгое время списки этих двух писем хранились в ЦГАДА, почему-то объединенные под номером 2980, но влиятельные историки, специалисты по эпохе Петра, подвергли сомнению аутентичность этих списков подлинникам, бесследно исчезнувшим еще в девятнадцатом веке, и позднее списки двух вышеуказанных писем заменили иным документом, «Дубликатом» письма от Петра Стрешневу.

Тем не менее, факт остается фактом: чудное повеление Петра, обращенное к потомкам, неоднократно подтверждали своим словом и первый губернатор Санкт-Петербурга Александр Меншиков, и вдова государя Екатерина Алексеевна: каждые пятьдесят лет, начиная с одна тысяча семьсот десятого года, все деревья Летнего сада и все кусты должны выкорчевываться, а взамен им следует приживлять новые саженцы. Для чего, зачем сие было нужно? Вдова-императрица, приближенные императора, «птенцы гнезда Петрова» вспоминали и домысливали всяк по-разному, однако и общее разумное было в тех объяснениях: де, мол, государь считал, что деревья, как и люди живут свой срок, рождаясь, старея и умирая, однако век их куда как более долог, нежели у человек, иной дуб, иная липа живут и сто лет, и двести, и более того. Стало быть, горожанин, в Петербурге родившийся, может всю жизнь свою прожить и не узреть того садово-паркового произведения искусства, что был явлен миру изначально, каким его выстроил Петр, но ежели строго делать по повелению государеву, то почти всякий сможет насладиться постепенными изменениями в облике Летнего сада, его разнообразной красотой, которая может быть равно присуща и юности, и зрелости.

Поразительная, дерзкая и прекрасная петровская мысль: заключить в произведение искусства само Время, сделать его, трепещущее и живое, частью музейной диковины под открытым небом!

Так и повелось с тех пор: при Екатерине Первой, при Анне Иоанновне, при Анне Леопольдовне, при Елизавете Петровне – фонтаны Летнего сада, границы и склоны Карпиева пруда, статуи, травы, дорожки, павильоны перестраивались, меняли очертания, ставились и убирались по прихоти власть имеющих, либо по той или иной назревшей необходимости, ибо на сии перемены и новшества не существовало высочайшего запрета, но в одна тысяча семьсот шестидесятом году, весной, почти на исходе своего благополучного царствования, Елизавета Петровна сумела найти в себе память, волю и силы вмешаться в государственные дела, в вечные дразги между своими царедворцами, напомнив не шутя: пушки пушками, Петр Иванович, академии академиями, Иван Иванович, а воля великого батюшки превыше всего! Уж постарайтесь!

И братья Шуваловы постарались от души!

Более всех горевал по судьбе вырубленного Летнего сада Петр Третий, император очень деятельный, однако же недалекий и «мимоходный», а вот Екатерине Алексеевне Вто-

рой, Великой, сей замечательный указ пришелся по нраву, и она каждый год, на протяжении всего своего царствования, непременно заглядывала в Летний сад, радуясь неспешному преобразению дубовых саженцев хилых в прекрасные высокие деревья с пышными кронами... Деревья она не трогала, но зато строения, гроты, дорожки, статуи покоя не знали – стоило лишь государыне уронить свой пытливый взор на тот или иной «кунштюк» и посчитать его неудачным – тут же призывался господин архитектор Фельтен, либо купец-подрядчик Кувакин, и литейных дел мастера, и гранитных дел мастера, дабы исправить, или развить, или украсить, или засыпать напрочь...

– Ах, свет мой Григорий Александрович, как жаль, как мне искренне жаль, что не талан влачиться нам с тобою до следующего обновления садового, ибо не попустит Господь пережить нам существующих ныне древ, ибо не по природе будет сие. – Стареющая императрица, до конца жизни сохранив бодрый ум и деятельную властность, была не прочь тайком повздыхать о брэнном, однако же никогда не допускала подобной слабости на людях или в переписке, либо в «амуре» с молодыми любовниками, такое для ближайших, для самых верных, для тех и только с теми... вернее, только с тем одним, при ком она охотно готова была оставаться слабою и послушною даже помимо любовных игр...

Вот и сейчас: он молча соглашается, помаргивая единым глазом на бледно-розовые сумерки во французском окне, а она, даже не оборачиваясь, чувствует искренность его кивка и плачет, не стесняясь, и так же без стеснения размазывает кружевным платочком румяна и пудру по обвислым щекам.

В ту пору никому и в голову не пришло удивиться столь стремительным переменам в наружном и внутреннем облике Летнего сада, ибо весь стольный град Петербург, крохотный в тогдашних его границах, более напоминал вечную строительную площадку на просеках, посреди величественных вод и невзрачных болотистых земель, но уже в эпоху Александра Первого первые робкие недоумения возникли. Санкт-Петербург рос, наливался холодною силой и красотой, стремился жить исключительно по европейским образцам, так что горожане успели накрепко подзабыть азиатские буйства Петровских ассамблей и сам первоначальный облик новой столицы. Даже любимица Петра, античная статуя Венеры переместилась во владения всесильного временщика, светлейшего князя Потемкина, приняв прозвище Таврическая, а просторный Летний сад превратился в традиционное место для скромных семейных празднеств, где под сенью широколиственных дубрав нашлось время и прогулкам некоего мосье l'Abbé с его малолетним воспитанником, ставшим, годы спустя, главным героем знаменитого пушкинского романа в стихах. И князь Потемкин стал уже историей к этому времени, ибо канула в прошлое блистательная Екатерининская эпоха, уступив место девятнадцатому веку, поровну поделившему свои пристрастия между неистойвой романтикой искусства и сухим прозаизмом науки.

Надвигалась большая война, исподволь, еще с 1804 года, в день по версте продвигаясь от Марсова поля в Париже к Марсову полю в Санкт-Петербурге, но император Александр Павлович не очень-то боялся войны, ибо, вдохновленный почти бескровным присоединением Абхазии и Финляндии, слабо представлял себе ее будущий размах и возможные последствия, во всяком случае, он ответил отказом на предложение выскочки, новоиспеченного императора Бонапарта, выдать за него замуж великую княгиню Анну Павловну, а сам почти всецело был занят своей новой игрушкой: Государственным советом. Считается, что Алексей Андреевич Аракчеев, копаясь в артиллерийских архивах, нашел и на одном из заседаний совета напомнил императору о полузабытом указе Петра. Сперанский попытался, было, усумниться в целесообразности внезапного разорения пышного Летнего сада, но Александр вежливо покачал бакенбардами из стороны в сторону – и дело оказалось решено в сторону изначального обычая.

Однако сим высочайшим решением и последовавшей вскоре вслед за этим войною, была, увы, оборвана другая питерская традиция, рожденная еще в середине предыдущего столетия! Каждый год, в Духов день, состоятельные горожане из так называемого «третьего сословия», устраивали в Летнем саду нечто вроде ярмарки невест: съезжались со всего Петербурга в сопровождении жен и, самое главное, дочерей на выданье: смущенных, юных, спелых, наряженных в свои самые праздничные наряды! И там они «просто прогуливались» по песчаным дорожкам и аллеям!.. Надо ли говорить, сколько будущих женихов и мужей из всех слоев общества, включая дворянское, беспечно и пока еще свободно слетались к этому коварному цветнику, дабы празднать, без далеких намерений, полюбопытствовать, полюбоваться, повеселиться, обжигая дерзкими взорами одну трепещущую от сладостного ужаса красавицу, затем другую – «...а эта, черноглазая, гляньте-ка, посмелее будет, ах, как хороша, плутовка!..»

Да, ничто не вечно под луною, но все же то был дивный обычай.

– Вашему Величеству было благоугодно даровать саду сему вторую молодость!

– Тогда уж третью, – меланхолично возразил император, улыбнувшись, впрочем, невинной шутке своего царедворца... – По бумагам – именно что третья получается.

История не сохранила достоверно имени человека, невольно давшему окончательное название знаменитой питерской традиции, чуть ли не в каждом пересказе этого анекдота выдвигались разные фигуры, но если прислушиваться к историкам, то наиболее осведомленные специалисты считали, что это был все тот же Аракчеев. Да вот только в либерально настроенных кругах общества тех лет и позднее, подобное предположение насчет «всей России притеснителя» не приветствовалось и всячески опровергалось, если не аргументами, то пламенной страстностью в суждениях! Эх, если бы Жуковский этакую прелесть выдумал, или, на худой конец, Михаил Михайлович Сперанский...

Именно в процессе третьего «омоложения» расширились, в сравнении с привычным ельником и дубом, посадки липовых деревьев, что пришлось весьма по вкусу горожанам и пчелам...

За год до окончательного падения крепостного права на Святой Руси, пришел черед Летнему саду испытать четвертую молодость, и здесь все получилось гладко, ибо государственным мужам недосуг оказалось вникать во все детали Петровского указа, гораздо больше времени и сил заняли у них междусобойные трения и борения, постоянно сотрясавшие так называемый «Главный комитет о помещичьих крестьянах, выходящих их крепостной зависимости». Министр финансов Княжевич, однажды отвлеченный императором Александром Вторым (Освободителем) на данный садово-парковый пустырь, только досадливо махнул своим чиновникам дряблою десницею – и тотчас же был сформирован дополнительный бюджет министерству Императорского Двора, выделены средства, назначены люди... «Липы, сосны... Ну, ёлки, пусть ёлки. Сколько тысяч?.. И дубы... Да хоть кипарисы, мне все равно, мне надобно финские деньги утвердить, господа, откупа окончательно придушить, по земельным выкупным наделам определяться... Забот невпроворот. Владимир Фёдорович, дорогой мой, ну в самом-то деле, ужели вы, совместно с уважаемым Павлом Николаевичем, своими силами не в силах составить и рассчитать необходимое, в рамках подписанного мною и самим государем одобренного бюджета? Никогда в это не поверю!»

И пришел двадцатый век, и грянула революция пятого года, маленькая, скоротечная, неопытная, полная студенческой романтики... Пролилась кровь, но ее было ничтожно мало, если сравнивать с теми нескончаемыми потоками, что хлынули из ран, отворенных в плоти подгнивающего государства российского Первой мировой войной и октябрьским переворотом. А тогда, в 1910 году, в счастливом и благополучном промежутке между двумя войнами и двумя революциями, о первом кровопускании, заслоненном событиями позорной русско-японской войны, почти забыли, и никто не чуял грядущего апокалипсиса, никто не

догадывался, что он уже на пороге, в том числе и царский фотограф Прокудин-Горский, сделавший словно бы на прощание, на вечную память, сам об этом не подозревая, тысячи и тысячи полноцветных фотографических снимков огромной страны, державы, империи, надолго, почти на столетие погружающейся в черно-белую трясину липких коммунистических идей...

Почему черно-белых? – спросите вы, – красных же? Нет. Ни в чем не повинный красный цвет – по всему его спектру, от ровного ярко-алого, до сгустков черно-багрового, – никакого отношения к большевистским идеям не имел, но только к результатам их упорного труда...

Владимир Борисович Фредерикс, последний министр Императорского Двора, в государственных делах никогда не лез, но свои права и обязанности знал туго: вовремя и четко доложил своему повелителю о ситуации с Летним садом: дескать, пора, государь! В ответ на робкую попытку императора увильнуть от принятия неожиданного решения (бюджет Двора был весьма велик, но не безразмерен, и теперь, вот, приходилось выбирать между срочным пожертвованием на пользу N-ской обители и финансированием сугубо светских работ в Летнем саду), барон Фредерикс откашлялся по-стариковски, почтительно взмахнул сивыми усами и взялся настаивать на своем, вернее, на безусловном исполнении воли Петра Великого, и это было настолько не характерно для царедворца, знаменитого именно преданностью своей, послушанием и полным отсутствием инициатив, что царь сдался без дальнейшего сопротивления, даже не заглянув в раскрытый перед ним бювар, где, против обыкновения, весьма к лени располагающего, кроме промокательной бумаги и конвертов лежали в заранее подготовленном порядке чертежи с рукописями. А сдавшись – укрепился в новом решении, да так непоколебимо и твердо, что сама Александра Федоровна, имевшая на своего супруга почти неограниченное влияние, не посмела ему возражать, единственно, за обедом позволила себе переспросить у барона Фредерикса насчет судьбы часовни, встроеной в решетку Летнего сада, и еще о природе «весьма причудливого прозвища» (Собственные слова императрицы. – Прим. авт.) данной традиции.

– Так точно, Ваше Величество! В народе сие именуется «пятая молодость». Именно в народе! Причем, речь идет всего лишь о зеленях... о зеленых насаждениях, деревьях, кустарниках... Постройки же, планировка, ограды, скульптуры, прочее подобное – все это Петр Алексеевич оставил на добрую волю своих царственных потомков, в данном случае на усмотрение Ваших Величеств...

Да, с соблюдением петровских указов все было относительно просто в эпоху трехсотлетнего правления дома Романовых, но совсем иное дело – советская власть с новыми коммунистическими порядками, идеологическими догмами и революционными традициями! И хотя Иван Васильевич Спиридонов, будучи первым секретарем Ленинградского обкома партии, имел к советской власти, как к таковой, отношение косвенное, однако, именно он управлял социалистическим городом и областью в конце пятидесятых, начале шестидесятых, именно он личным примером вдохновлял широкие массы простых ленинградцев на трудовые свершения.

В древней Спарте про такого государственного мужа бы сказали исчерпывающе коротко: «умен, смирен и ленив». И это была бы чистейшая правда! Тем не менее, вопреки всем вышперечисленным качествам, Иван Васильевич, мучимый питерским патриотизмом и тщеславием охранителя художественных ценностей, набрался безрассудства, обратился к Хрущеву с челобитной по поводу «очередной внеплановой реконструкции Летнего сада».

– Какая еще, к бесу, реконструкция! – энергично возопил Никита Сергеевич, лично прочитав несколько строчек легшего к нему на стол документа (разгромное заключение аппарата Совмина поверх служебной записки ленинградского руководителя). Он любил делать несколько дел одновременно и, при этом громогласно, вот и сейчас, отвлекшись на

минуту от кубино-американских проблем, сунулся, шевеля губами, в одну из папок. Чтение давалось товарищу Хрущеву нелегко; работая с документами, он очень редко выходил за пределы первой страницы, более полагаясь на многолетнюю закалку управленца, врожденную пролетарскую идейность и большевистскую пронизательность фронтовика. Об этом важном обстоятельстве хорошо знали все опытные аппаратчики высокого уровня. – Тут сплошное разорение, а не эта... реконструкция. Как это понимать – очередная внеплановая??? Это форменное хулиганство над здравым смыслом! Мы, понимаешь, партия, или мы, понимаешь, царский двор? Как разбазаривать народные деньги, да на совещаниях храпеть – так тут мы все молодцы, а как работать... Деревья, видите ли, понадобилось выдергивать! – Хрущев раздраженно пошелестел второй страницей... – Шестая, понимаешь, молодость! Что за... Трояновский, а ты что на это скажешь? – Хрущев перелистнул еще одну страницу, вдруг захохотал хриловатым полубаритоном и, перебивая сам себя, пристукнул большими, но отнюдь не шахтерскими кулачищами по золотому тиснению соседней кожаной папки, навалился на край столешницы мясистой грудью. – А-ха-ха! А ведь смешно, а? А ведь здорово сказано – шестая молодость! А, Трояновский?

Помощник Хрущева не имел своего мнения по данному вопросу, хотя бы потому, что занимался сугубо международными делами, у него и без ленинградских деревьев работы – взасос, но Никита Сергеевич смотрит именно на него, а взор этих маленьких кабаньих глазок цепок, и живет совершенно отдельно от широкой редкозубой улыбки. Смотрит и ждет реакцию... чисто по-ленински... с прищуром. На лояльность испытывает.

Да только советские чиновники, тем более дипломаты кремлевской школы, тоже были отнюдь не лыком шиты: Олег Александрович непринужденно приподнял брови и уголки губ, слегка выпустил из под рукавов пиджака пальцы недлинных рук, до этого опущенных вдоль туловища чуть ли не по стойке смирно, и так по-цыгански ловко передернул плечами, что сам товарищ Сталин, будь он жив, не заподозрил бы в этом жесте ни малейшего несогласия с высочайшим мнением, куда бы оно ни качнулось в ближайший миг!

– Вот и я то же самое говорю: поспешили в выводах! Здесь народный обычай наблюдается, а совсем не царский! Правильно я говорю? А тут и съезд не за горами, и вообще Ленинград город-герой... Надо, надо будет фонды выделить под такое дело. А где, кстати, мой боярин?.. Здесь?.. Пусть зайдет. Вот что, Григорий (Григорий Шуйский, помощник Хрущева, по высочайшему прозвищу – «боярин» – прим. автора), ты это... чтобы к завтраму Спиридонов был здесь, где-нибудь к обеду, пусть он мне лично пояснит, что к чему, чтобы не по бумажке...

Похоже, Иван Васильевич Спиридонов все доложил как надо, поскольку больше никто из высокопоставленных москвичей не осмелился чинить препятствий поддержанию одной из старейших питерских традиций. А через год, в разгар белых ночей, незадолго до XXII съезда партии, Никита Сергеевич сам нагрязнул в Ленинград, «поруководить на местах», завернул и в Летний сад. Раскритиковал, конечно, в пух и в прах, всё и всех, от архитекторов и садовников до самого Спиридонова, но остался явно доволен, никого не карал, даже разрыхлил собственноручно землю возле пары дубовых саженцев – показал высоким индонезийским гостям и местному партхозактиву как правильно это делать.

И вот пришло время седьмой молодости. Летний сад закрыли для посетителей еще загодя, мгновенно превратив уютный прогулочный заповедник в тусклую строительную площадку, обширную и, на первый взгляд, хаотично устроенную. Знаменитые скульптуры Летнего сада были укрыты от повреждений, строительных и природных, но не как обычно в зимнее время, не в прозрачные плексигласовые колпаки, а, по прямому указанию директора Русского музея Гусева, просто заключены, предварительно укутанные специальными покрывалами, в глухие деревянные ящики, так называемые «футляры». И в футлярах же перевезены подальше от строительных страстей. Эти футляры также принадлежали Исто-

рии, поскольку спроектированы были очень давно, едва ли не в Екатерининские времена, архитектором Василием Демут-Малиновским, и внешне более всего напоминали вытянутые высоко вверх мусорные короба. В начале нового двадцать первого века, еще при губернаторе Яковлеве, появился у Летнего сада спонсор, однофамилец... а по слухам – родной брат грозного и таинственного главы ФСБ Николая Патрушева! Как бы то ни было, в течение нескольких лет, тщаниями господина Патрушева Виктора Платоновича, все скульптуры и бюсты Летнего сада получили обновленные укрытия: легкие, прозрачные и прочные колпаки, по-прежнему именуемые в официальных музейных документах футлярами. Однако, в дополнение новым прозрачным, теми же благотворителями выстроены были и футляры прежнего образца, деревянные, очень высокого качества и прочности, на шурупах (отнюдь не на гвоздях!), по старинным чертежам! Теперь, в седьмую молодость, и они пригодились, ибо предусмотрительный Владимир Александрович Гусев не понаслышке знал, что такое российская стройка и места временного хранения, и то, как часто вытекают происшествия из неосторожности!

Но деревья валить и корчевать все еще медлили: нынешний губернатор Матвиенко Валентина Ивановна придумала неплохую и тонкую, как ей показалось, идею: заручиться на предстоящее поддержкой Кремля и Белого дома. Конечно же, Валентина Ивановна, как это и положено чиновнику ее уровня и стажа, немножечко схитрила в интересах родного города: полномочий для самостоятельных решений ей вполне хватало, нашлись бы на святое дело и деньги в городской казне, пусть даже изрядно выпотрошенной последствиями пресловутого мирового финансового кризиса, но... И Медведев, и Путин – питерские, оба патриоты своей «малой родины», грех было бы не нажать на патриотические чувства дуумвирата... с пользой для местного бюджета... Если все подать грамотно и вовремя, то федеральные вливания могут воспоследовать уже в этом финансовом году. При любых сугубо деловых раскладах, даже в сфере международных государственных отношений, не говоря уже о городском благоустройстве, женщинам у мужчин легче просить и проще выпрашивать, тем более у нас в России, где, в отличие от старой Европы, сплошь изъеденной метастазами политкорректности, феминизма и социал-демократии, идеалы Домостроя все еще находят благодарный отклик в сердцах у большинства мужчин и женщин. Главное в просительском деле – вовремя подвести разговор к нужной теме, и лучше бы не на докладе в Кремле или Белом доме, ибо персоны, принимающие решения, конечно же далеко глядят, да слишком уж высоко сидят, но именно здесь, а Питере подгадать, среди «домашних стен»: тогда масштабы многочисленнейших и равно важных насущных государственных потребностей для этих персон будут выглядеть в нужной Петербургу пропорции.

Так оно и вышло: Владимир Владимирович пожелал участвовать в церемонии спуска на воду танкера «Кирилл Лавров», долго стоял на морозе бок о бок с Алисой Фрейндлих, произносил короткие речи, а потом, по обыкновению верховной российской власти, посещающей родную глубинку, раздавал праздничных слонов наиболее пробивным и нуждающимся. Все импровизации были заранее подготовлены в недрах аппарата Белого дома и до рубля отшлифованы, поэтому Валентина Ивановна была приятно изумлена, однако же и несколько смущена пронизательностью своего кремлевского начальства: она даже покраснела, когда Путин, выслушав вдохновенную речь своего губернатора в защиту святых питерских традиций, открыл лежащую перед ним папку и, со своей характерной ухмылочкой, попросил Валентину Ивановну ознакомиться с уже подготовленным на (федеральном уровне) проектом решения по «совместному финансированию реконструкции Летнего сада».

По заведенному издавна обычаю, в Смольном был оборудован специальный комплекс из нескольких помещений – именно для работы Московского Первого Лица, во время пребывания того в Питере, однако на этот раз Путин пожелал обсуждать и совещаться

по данному вопросу в губернаторском кабинете, может быть, потому, что уже (или еще) некорректно было проявлять себя первым, а может и потому, что дежурное «необжитое» помещение совершенно не обладало тем специфическим кабинетно-канцелярским уютom, который ценят, которым очень дорожат высокопоставленные трудяги-чиновники, большую часть своей жизни проводящие именно там, среди бесконечных бумаг, телефонных звонков, заседаний, рабочих чаепитий, докладов, разносов...

Совещания с главой государства, президентом Путиным, бывали весьма разнообразны как по тематике, так и по накалу страстей, но уже в начале третьего тысячелетия получили у губернаторского, сенатского, миллиардерского и служилого министерского люда прочное обобщающее название: «Рука на горле». Президент он сегодня, или Председатель совета министров – хватка та же, вся разница в ощущениях: иногда эта рука становилась ледяной, иногда прохладной, так сказать «рабочей», иногда не понять (это самое тревожное для карьеры горлообладателя!), в данном случае – явно теплой, умеренно теплой. Нынешнее совещание, вернее, первая его половина, получилось предельно узким по составу участников: так ни разу и не понадобившиеся безмолвные референты, сидящие поодаль, вдоль «глухой» стены, а кроме них – Сам и Матвиенко; зато стол в губернаторском кабинете был достаточно широк, чтобы уместились на нем и папки, и самовар, и чайные принадлежности. Перемены портрета в губернаторском кабинете Владимир Владимирович – безусловно тактичный человек на свете, однако, по отзывам современников, весьма ехидный – опять не заметил, в который уже раз, но именно этому никто из лиц, давно знающих премьера, нисколько не удивился. Любая реплика, любое вслух сказанное замечание, могут не то чтобы выдать мысли премьера, его истинное отношение к «властному» статус-кво, но обязательно послужат поводом для всяческих домыслов, интриг, нашептываний... А интриги Владимир Владимирович Путин предельно не любил, без пощады выпалывал интриганов вокруг себя, но разбирался в данном вопросе не хуже чем в дзюдо, по самому высшему профессиональному разряду. Не любил он также кадрового мельтешения в своей команде, предпочитая надежные долгосрочные служебные отношения, хотя мог запросто, в один миг – внешне без малейших сомнений – принимать резкие «организационные выводы», если, как это ему представлялось, того требовали интересы дела. Тем не менее, в основе своей, на протяжении всего нелегкого и извилистого карьерного движения, Путина окружали «проверенные временем кадры», вплоть до соратников из далекого ленсоветовского и комитетского прошлого. Но и они – в подавляющем большинстве своем люди разумные и осторожные – не могли, хотя бы в мыслях, даже наедине с собой, сказать, что знают коллегу хорошо. Давно – да, хорошо – о-о-у, н-е-е-ет!.. В свое время один из старейших преподавателей комитетовской разведшколы (Местная, питерская, № 401, среди курсантов и выпускников известная под прозвищем «Ух ты, ох ты!»), доверительно пробормотал невзрачному двадцатрехлетнему новобранцу, только что уверенно сдавшему довольно непростой зачет: «Тебе бы, малый, с твоей головой и выдержкой, не у ваших первоуправленцев штаны протирать, а к нам в Новосибирск ехать, по-настоящему учиться, на контрразведчика. А здесь тебе не по росту, нет, так и просидишь всю жизнь где-нибудь... у тебя, как я понимаю, блага наверху не имеется?.. Вот, так и проспишь всю жизнь резидентом-романтиком где-нибудь в Болгарии, а то и в Монголии. Понимаю, не тебе решать, что там и как... да и не мне, однако, задумайся.» Всю мудрость стариковских слов юный Владимир Путин прочувствовал только спустя много лет, но запомнил их сразу и долго над ними размышлял...

– Полагаю, э, достаточно будет? Больше... э... все равно не дадим, уважаемая Валентина Ивановна, ни у меня не просите, ни у президента, мы с ним все согласовали и заранее условились: это наш совместный подарок, так сказать, северной столице от... э... от белокаменной. На меня Кудрин и без Летнего сада таким волком смотрит в последнее время – аж мороз по коже! Но здесь даже он против нас с Дмитрием Анатольевичем не устоял, выделил

деньги. Вам, местному бюджету, тоже придется раскошелиться, будем, так сказать, в складчину действовать. И я потом лично все проверю... э... согласно поручению президента: и соблюдение традиций, и расходование средств, и ход реконструкции. Теперь на серьезные темы: что тут у нас опять со строительством, жилищным и дорожным?..

* * *

Судьба – она такая: кому-то крест, кому-то квест. В этот день Ленка Меншиков, Лён, самым наглым образом «сдернул» с двух последних уроков: «рашика» и сдвоенного «англича», иначе говоря – самовольно пропустил уроки по русскому и, соответственно, контрольную по английскому языку. С английским можно считать, что все в порядке, язык он учит усердно, и, скорее всего, успешно отмажется от наездов и санкций, англичанка у них молодая и добрая, он у нее в любимчиках, но вот если бы остался на контрольную именно сегодня – максимум трояк, на большее он пока не знает. Потом, правда, придется оставаться после уроков и писать одному, пока она там тетради проверяет, но зато он подготовиться успеет как следует, чтобы четко на пять баллов! А вот с русским сложнее: Элеонора Семеновна и виду не подаст, что рассердилась на прогул, но все равно припомнит и непременно вкатит ему двойку, вызовет к доске и найдет повод, и тогда будущая пятерка в четверти станет весьма проблематичным делом... Да плевать на четверку! Когда ТАКОЕ ПРОИЗОШЛО! Ура! А может, еще и не произошло... не дай бог!.. может, он ошибся, или в «динамо» попал... Отец всегда говорит в таких случаях... вернее, в подобных случаях: «не спеши, не маши по воздуху языком и руками, дыши ровно, смотри прямо». Так ведь он и смотрит, и не машет, но трудно удержаться от того, чтобы идти по тротуару, не выплясывая рэив или хотя бы твист... Лён попробовал поделиться чудесной новостью с Машкой, уж с нею-то можно, да вот досада: они там всем классом, во главе с училкой, в Петергоф умчались, «изучать архитектуру дворца», угу, много они там наизучают... Обсуждать же такое по трубке, да еще при Машкином темпераменте – неоправданная глупость. Можно было бы Тимке позвонить и встретиться, рассказать, но это, во-первых, не солидно, а во-вторых, крутой старший брат сам наложит лапу на руль событий, сам начнет всем командовать, все проверять и все распределять... Он ему лучше вечером все выложит, а пока без него.

Ноги, хотя и не скакали в хип-хопе, но довольно резво несли очумевшего Лёна куда-то вдаль... это что?.. памятник «Стерегающему»... ага... это он уже по Александровскому парку... на Петропавловку выдвинулся. Нет! На территории Петропавловки опасно, потому что можно легко нарваться на школьных «преподов»: директор их гимназии имеет связи с руководством музейного комплекса, подписал с ними какое-то шефское соглашение, и с тех пор учителя там едва ли не ежедневно проходят уроки, экскурсии... Лён миновал Иоаннов мост, сделал ручкой направо – поздоровался с силуминовым зайцем, налево – отдал честь bravому бронзовому домовому-городовому, и двинулся к Троицкому мосту, дабы перейти на ту сторону Невы, потому что... да потому что все равно куда идти, мамочкин будет его ждать к обеду не раньше, чем через два часа.

Высоко распахнуто небо над Петербургом, катится по нему, ныряя в скромные светлые облака, веселое весеннее солнышко, а город, вместо того, чтобы улыбнуться в ответ, прихмурился, недовольный тем, что выглядит на свету отнюдь не по-шегольски: весь в грязевых пятнах, отвратительных желтых потеках... Очень уж долгая и снежная была зима в Петербурге, настоящая русская, морозная, пусть и без чудовищных сибирских холодов, но и без оттепелей. А если оттепелей нет, то и Нева стоит на месте, и грязь никуда не уходит, кроме как под очередное снежное покрывало... Слой за слоем, бурое на белое... Таких сверхщедрых снегопадов, как в прошедшую зиму, город не помнил ни в этом, ни в прошлом веке, то есть, мегатоннам грязи было куда прятаться! Из центра города все это изобилие дерьма и

снега увозили на так называемые «временные снегоприемники», сиречь городские пустыри, или бесцеремонно сбрасывали в городские реки и каналы, и теперь, когда снегу вздумалось таять, вся эта смердящая органика и неорганика поперла наружу, поближе к свету, к солнышку, к людям... Апрельскому теплу надобны дожди, да не те родные-занудные, семяющие мелко неделями напролет, а настоящие – короткие, но мощные и упругие ливни, чтобы Питеру ими дочиста умыться! А там и муниципальные службы ненавязчиво подспеют, с дорожными поливалками, с дворниками, с так называемыми субботниками... Лён в сотый, наверное, раз удивился вспомнившемуся слову «субботник», опять дал себе клятву спросить у родителей – что оно означает, или означало когда-то, и тут же забыл о нем, как всегда.

Летний сад оказался закрыт, оттуда, из-за строительных будок и занавесей, разлетались во все стороны противные громкие шумы и звуки: надрывный вой от работающих механизмов, какие-то гулкие бу-бух, от которых асфальт дрожит... Это подпиленные деревья падают. А-а, точно, реконструкция, «Седьмая молодость», недавно по телевизору специальная передача была.

Делать нечего, Лён перенаправил стопы в сторону Марсова поля, и там неожиданно встретил человека, очень хорошего знакомого, папиного приятеля... Ну, это как раз ничего, дядя Лук не заложит, он таким пустякам значения не придает, да и вряд ли помнит, что есть на свете школьное расписание со всякими там строгостями, он вообще слегка не от мира сего, поэтому не врубится в тонкости школьных преступлений.

– Здравссте, дядя Лук!

– А Лёня, здорово, дружище! Никак, уроки мотаешь? – Лук привстал – его вдруг неслышно ударило ветром со спины, длиннющие пряди пегих волос занавесили глаза и лицо до самого подбородка, – и почти наугад протянул для пожатия ладонь. Леньке еще с детского сада нравилось, что дядя Лук, единственный из всех знакомых взрослых, здоровается при встрече за руку, словно равный с равным. Рукопожатие получилось неловкое, через лужицу, подковкой опоясывающую сдвоенную скамейку, где дядя Лук праздно расположился, видимо для созерцания работ, идущих в Летнем саду. Конечно, хорошо вот так целыми днями зырить на всякую фигню, когда в школу и на работу не надо спозаранок бежать!

– Ды... это... угу. Вроде того.

– Расческа есть?

– У-у, нет.

– И я дома забыл. Небось, русишем пожертвовал в пользу свободы? Уроком русского языка?

– А... а как вы догадались!?

– По счастливому выражению лица. Напрасно, будущий царь Леонид. Я вот тоже так пропускал занятия в школе и докатился до положения писателя, которому корректоры запятыми в нос тычут. Обходи водную преграду, присаживайся, потрепем судьбы мира. Или торопишься?

– Нет, не тороплюсь... – Лён бравым прыжком преодолел неширокую лужу, уселся рядом, предварительно обтрогав ладонью бело-эмалевую поверхность. Скамейка была суха, на диво чиста, может, дядя Лук нарочно ее такую выбирал, типа, ему все равно куда смотреть, лишь бы не на грязном сидеть?.. Дядя Лук молчал, видимо размышляя о странностях молодой травы, которая не желает расти ровно, а зелеными неровными пятнами расплзается по лужайкам... Либо еще о какой-нибудь подобной ерунде, абсолютно никому, кроме самих писателей, неинтересной. Лёну стало неловко: ну что это такое, встретились люди, хорошие знакомые, – и вдруг в молчанку играют. Или того хуже: сейчас как начнет опять про школу выспрашивать! Нет, лучше он первым...

– А вы что здесь делаете, дядя Лук? Созерца... в смысле, ну, предаетесь созерцанию, да? В стиле дзен?

– Не-а. Скорее, предаюсь тягостным бытовым размышлениям. Понимаешь, понадобилось мне для моих скромных писательских нужд ворваться в Летний сад, поближе к памятнику дедушке Крылову, и совсем из головы вон, что закрыты наши славные, наши древние городские bronхи! И в этом году закупорены, и в будущем. Вон, видишь, какой дубовый сенокос идет? Седьмая молодость называется. Впрочем, почки на деревьях едва набухли, кислороду нам с тобою все равно не дают, можно попробовать жить и без них.

– Да, я знаю, передача была по Пятому каналу насчет реконструкции. Прикольно.

– Да уж... прикольнее не бывает... Ну и деляги они, кстате говоря, ну и выжиги! Ох, хитры! Что?.. Извини, Лён, это я не про Летний сад, это прерванные твоим приходом философско-бытовые размышления – по какому-то удивительному совпадению – тоже про Пятый канал и «ихний» сайт... Стой!

Раздался грохот, намного более сильный, нежели удар о землю очередного спиленного дерева: пушка на равелине Петропавловской крепости обозначила полдень, и Лён с Луком одновременно выдернули из карманов телефонные трубки – сверить часы.

– У-у, опять мои на минуту убежали, вот вам и хваленая «сонька»!

– А у меня секунда в секунду, – похвастался Лён, и даже не покраснел, потому что привык врать по мелочам в спорах с учителями и одноклассниками.

– А у меня, видишь, торопятся, одна и другая (Лук зачем-то держал при себе две трубки от разных производителей, с номерами от разных провайдеров. – Прим. авт.)

И опять наступило молчание, однако на это раз нарушил его Лук.

– Не бывал на пляже в полдень, под самой пушкой? Ни разу??? Ну, что же ты, Лён??? Это незабываемые ощущения, рекомендую. Как ни готовься – непременно вздрогнешь. Вот для чего не стыдно школу пропустить!.. И рядом же дополнительное чудо: прямо перед равелином дерево растет, по всем вторичным половым признакам липа, а в кроне той липы, буквально метрах в пятнадцати от жерла сигнальной пушки, вороны гнездо себе свили и там живут! Наверное, это порода глухих от рождения ворон, вот что я думаю. Или они прошли очень суровую школу жизни.

Лён вежливо кивал, но, при слове школа, поторопился перехватить инициативу, продолжить расспросы.

– А что Пятый канал, дядя Лук? Почему они приколисты? В смысле, в чем они приколотись?

– Слово «прикол», дружище Лён, это слово сорняк, не злоупотребляй им в обыденных разговорах. Отвечаю, хотя и не чувствую искреннего интереса в твоём вопросе. Короче говоря, задолжал мне один главный редактор три тысячи рублей... Невелики деньги, но иногда и без них хоть волком вой... Вернее, началось так: в недалеком прошлом сделали они, они – это не редактор, а другие, как раз Пятый канал, одну передачу... Ну, там, на одну мелкую тему: о попытках КГБ СССР поставить под свой контроль так называемую итальянскую мафию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.